

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

АРАБСКИЕ ЗВЕЗДЫ СИЯЮТ ЯРЧЕ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Лариса Павловна Соболева
Арабские звезды сияют ярче
Серия «Она всегда с тобой.
Детективы Ларисы Соболевой»
Серия «Павел Терехов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64091296

Арабские звезды сияют ярче:

ISBN 978-5-17-135301-8

Аннотация

Дружба – она навечно, что может ей помешать? Бессмертный порок – зависть и в связи с этим страдания ведут к самым невероятным поступкам, которые с полным основанием можно назвать преступлением без срока давности. Но так не хочется думать о совершенном проступке, потому оправдания всегда безупречны и всегда логичны... для преступника, конечно. Однако хитрая лисичка ловится за обе лапки, особенно когда лисичке готовят надежную ловушку, а она даже не подозревает об этом. А кто сказал, что месть устарела? Нет, она усовершенствовалась, ее доводят до кристального идеала, а потом остается наслаждаться, как история катится по...

Содержание

Часть первая	5
Куколка, балетница, воображуля, сплетница...	5
Бахрейн, Манама, вечер того же дня	20
Россия, тот же вечер	25
Без сомнения, пиджак принадлежал ей	30
Нютка всегда стояла между ними	35
И сейчас, исчезнув с лица земли, она снова разделила их	41
А уже неделю спустя...	45
ОАЭ, Фуджейра, спустя десять дней	54
Россия, тот же день	59
ОАЭ, Фуджейра, неделю спустя	70
Россия, несколько дней спустя, вечер	81
Часть вторая	87
Есть подозреваемые... нет версий	87
Богдана остановила автомобиль на улице,	100
От черты города ехали минут сорок	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Лариса Павловна Соболева

Арабские звезды сияют ярче

*«...и погаси пламень страстей моих, яко нищ
есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых
воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых
свободи мя»*

Молитва 10-я ко Пресвятой Богородице

© Соболева Л., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

Куколка, балетница, воображуля, сплетница...

– Но почему я?!

Это был только один из вопросов, мучивших ее с тех пор, как позвонил следователь, но отказался объяснить – с какого перепугу просит приехать на беседу, мол, узнаете завтра. На беседу – каково? Просит – ха! И кто, а также – куда! Что за беседы у следователя? Тут свихнешься от одних предположений, налетевших, как черная туча, и подавивших слабый голос разума.

Однако бархатистый голос в трубке звучал почти нежно, располагающе, казалось бы, бояться нечего, но... О боже, это постоянное ожидание чего-то плохого, вероятно, исторически заложено в крови каждого из нас, даже переполненную счастьем душу нет-нет, да уколет сигнал: счастье не может быть вечным. Поэтому Оксана ничего не сказала мужу, чтобы не дергать его попусту. Она очень волновалась, когда ехала «на беседу», и подавляла хаос в голове: выманивают! арестуют! распнут! посадят! А что еще думать человеку, который ведет авто по направлению к прокуратуре? Ведь След-

ственный Комитет находится в том же здании, только вход с торца.

Вопреки ожиданиям (воображение рисовало мордастого и тупого монстра в форме) встретил ее весьма симпатичный (несмотря на оттопыренные уши) высокий молодой человек, в хорошо сшитом костюме – Терехов Павел Игоревич. Наверняка он занимается спортом, ибо весь подтянутый и свежий, а на лице так просто печать стоит: высокообразованный интеллеktуал, короче, сугубо положительный типаж. Но расслабляться, поддаваться обаянию – ни-ни! После коротких дежурных фраз, выжимавших из Оксаны последние капли терпения, он вдруг предложил ей поехать вместе с ним на... опознание трупа. Такой невинно-беспечной интонацией сказал, будто пригласил прогуляться по весеннему парку, чтобы полюбоваться веточками с листочками, тут-то она и воскликнула:

– Но почему я?!

– Видите ли, труп женщины...

– Так это еще и женщина!

– Да, труп женщины обнаружили рыбаки-любители у берега...

– Но с какого бока тут я?.. – не было предела возмущению Оксаны.

– Пытаюсь объяснить, но вы не даете мне это сделать, – улыбнулся Терехов по-доброму, видимо, все же понимая, как сильно шокирована гражданка.

– Простите, – буркнула она извинение, больше похожее на грубость. – Я слушаю вас, слушаю.

– В одном из карманов женщины мы нашли документы, – продолжил Терехов. – К сожалению, данные паспорта безвозвратно уничтожила вода... но нам удалось восстановить номер, эксперты собирали по цифре, ведь в паспортах номер проставлен на нескольких страницах. Удалось восстановить и половину серии, по этим данным мы и выяснили личность убитой.

– Она еще и убита! – ужаснулась Оксана, даже отшатнулась от следователя, хотя их разделял заурядный канцелярский стол. – И что?

– Установив личность, мы не смогли узнать о месте проживания убитой – она зарегистрирована у тетки в деревне, которая ничего не знала о племяннице – ни адреса, ни чем занимается, ну, кроме того, что та живет в городе. Тогда мы обратились к операторам связи, так выяснили личный номер телефона и список лиц, внесенных на сим-карту. Там было ваше имя – Оксаночка, да, так ласково. И номер, разумеется.

– Только мое имя? Других не было?

– Были и другие, правда, совсем немного. А откликнулись только вы.

– Хм! – фыркнула Оксана. – Если б не моя профессия, я бы сроду не ответила на звонок с незнакомого номера, я имею в виду ваш звонок.

– Мы бы нашли способ выйти на вас, – снова улыбнулся

следователь.

Это уж точно. Вот попала – так попала!

– Ну и как... как зовут эту вашу... убитую?

Оксана смотрела в сторону, что равносильно знаку для следователя: мол, глаза б мои тебя не видели, но поскольку он замолчал и надолго, она не выдержала и покосилась на него. Терехов не торопился выдать имя, он сцепил длинные пальцы музыканта в замок, уперся в него носом, задумавшись. Вот о чем можно думать сейчас? У него не было времени со вчерашнего дня? А с виду такой правильный, такой безупречный, как... как джентльмен из классической книжки про благородных господ, он абсолютно не вписывался в ее стереотип следователя.

Наконец Терехов поднял на нее свои добрейшие глаза неопределенного цвета, но ближе к светлым, а в глубине его выделяющихся зрачков столько всего... будто Оксана тайный маньяк и следователь собирается хитростью с подлостью разоблачить ее. Накручивая на палец тонкий ремешок сумочки, она, тоже въедаясь в него жгучими цыганскими очами, ждала, что скажет этот нетипичный тип. И он сказал довольно мягко, при всем при том вдалбливая слова:

– Понимаете, Оксана Дмитриевна, как правило, трупы со следами травм не совместимых с жизнью, не имеют с собой документов, следовательно, паспорт могли подкинуть чужой, чтобы запутать следствие. Вы согласны со мной?

– Мне мало что известно о хитросплетениях убийц, – бро-

сила она.

– Давайте сделаем так: вы посмотрите на труп, если назовете имя и фамилию женщины, совпадающую с нашими данными, мы вас отпустим...

– А если не назову, арестуете? – вставила она.

– Во-первых, мы не арестовываем, а задерживаем, – внес уточнение он. Но ведь это только слова разные, а смысл-то один. – Во-вторых, вы все равно поедете, куда пожелаете, а мы... мы продолжим поиск тех, кто подтвердит личность убитой.

– А тетка? – напомнила Оксана. – Из деревни.

– Хм, тетка... – потирая подбородок, вздохнул он печально. – Конечно, она могла бы приехать на опознание, но не сможет. Накануне нашего визита, точнее – за пару дней, тетя найдена убитой, находясь у себя в доме, упала и скончалась. Сердечница была – хроническая гипертония. Соседи кинулись, когда заметили, что тетушка не выходит из дома в течение суток, ну и отправились навестить. Дверь была открыта, она лежала на полу.

– А как же – «ничего не знала о племяннице – где та живет, чем занимается»? Я поняла, вы встречались с ней.

М-да, Оксане Дмитриевне не откажешь в умении схватывать важные детали, не каждый способен в стрессовой ситуации концентрироваться на частностях. Ему осталось ответить на поставленный вопрос, чтобы меньше осталось подозрений у Оксаны:

– Все это нам сосед рассказал, забавный старик. Но он не может помочь, потому что племянницу не видел много времени, как и остальные соседи. Тетку она почти не навещала, если и приезжала, то поздно вечером, уезжала рано утром, все это со слов тети, которая оправдывала племянницу, ну, работает на двух работах, говорила. Вообще-то, отзывы о племяннице негативные. Отца у нее не было, мать неизвестно где, так что...

Следователь развел руками, давая понять: Оксана его единственная надежда, но и тут она нашла выход, даже обрадовалась собственной идее:

– Фотографию не хотите показать? Это же проще просто-го! Извините, но смотреть на труп мне не очень хочется... точнее, совсем-совсем не хочется.

Разумеется, это самый простой способ установить личность, вероятно, следователь неопытен, он слишком молод для такой ответственной работы, навскидку лет тридцать – не больше, оттого и не додумался до примитивных методов. Но Терехов заявил категоричным, неожиданно стальным тоном:

– Не хочу. Вы поймете меня. Позже. Едем?

Это была уже не просьба, а приказ. Отходных путей не осталось, да и не отказывают этим людям по причине «не хочу». Они прошли во двор, где стояла его машина, Терехов заверил, что привезет ее назад, а за свой транспорт она может не переживать – от прокуратуры еще никто не осмели-

вался угнать автомобиль. Только в машине следователя Оксана, что называется, ощутила почву под ногами и нервно рассмеялась, признавшись:

– А я думала, меня заманивают, чтобы арестовать.

– Есть за что? – не взглянув на нее, невозмутимо спросил он.

– Пф! Был бы человек, статья на него всегда найдется.

– Неужели? Странно слышать подобное от красивой женщины.

У, загнул, хитрюга! Оксана, без сомнения, эффектная женщина, но красивая – она бы очень этого хотела, однако его комплимент не соответствует действительности, она это знала давно и выжимала из скромной внешности максимум. Отменный вкус, хорошая одежда, умение носить ее сделают и старую каргу привлекательной, а лицо... Не досталось от мамы с папой писаной красоты, зато Оксана не обделена умом, который решает все в современных условиях. А для личика существуют стилисты, они научили превращать небольшие и глубоко запавшие глаза в туманную загадочность, удлинённый овал и такой же вытянутый носик корректировать косметическими средствами, тонкие губы увеличивать косметикой, а главное – не стесняться недостатков. Волосы особая статья, из трех волосинок в салоне способны сделать темно-каштановую копну, которой восторгаются абсолютно все.

Когда люди комплексуют по поводу и без, остальные это

чувствуют на подсознательном уровне и нередко пользуются слабостями. Имея достаточно денег, Оксана не отважилась на эксперимент у пластического хирурга, не всегда данный процесс заканчивается победой скальпеля, вдруг и ей не повезет, что тогда? Вся жизнь к черту? В общем, внешность – это финансовые затраты, признание правды в зеркале и титанический труд. Потому комплимент следователя пролетел мимо ее ушей. Вспомнив, что паузы доставляют удовольствие только зрителям в театре, а следователя могут насторожить, Оксана сказала:

– Я директор строительной фирмы! Уж вы-то должны знать, что это за бизнес, сколько врагов кругом, мечтающих захватить мою нишу. Да на меня сострять компромат – как нечего делать! Потом доказывай, что ты святая. Знаете, после вашего звонка я со вчерашнего дня в стрессе нахожусь, все думаю: кто хочет закопать меня, где нашли пробоину, что способны следователи предъявить? Неужели сразу не могли сказать про... опознание?

– Вы бы не согласились, – невозмутимо ответил Терехов, совсем не чувствуя угрызений совести. – Наш труп не родственница вам, возможно, вы даже не знакомы с ней. Пришлось бы долго уговаривать, по телефону это делать противопоказано.

– Ой, – отмахнулась Оксана, – уж вы-то уговаривать умеете.

– Вы из СМИ сделали подобные выводы?

– Ладно, ладно, – приподняла руки она в знак капитуляции, а может, таким образом выразила свое негодование. – Что сделано, то сделано. Однако методы у вас... хм... не самые гуманные.

– Я мог бы поспорить насчет гуманизма, но, к сожалению, время вышло, мы приехали.

Приехали – да не совсем, пришлось еще плестись по длинной аллее, по обеим сторонам которой высились деревья, усыпанные мелкими листочками, вырвавшимися на свободу. У раскрытых ворот морга Терехов заглушил мотор, отстегнув ремень, повернулся к Оксане и к ее удивлению начал деликатно намекать:

– Хочу вас предупредить... Понимаете, труп некоторое время пролежал в воде и выглядит... как бы это сказать... м... не очень...

– Изуродован? – подсказала она.

– Не совсем. Но где-то как-то... частично.

– М-да, не повезло мне... – недовольно протянула Оксана, подавшись спиной к дверце, чтобы лучше разглядеть следователя и понять: деликатность его натура или это игрища иезуита. – Ну, раз приехали, показывайте, что там вас так тормозит.

– Благодарю, вы нам очень поможете.

Он вышел из машины, она – нет. Пришлось Терехову обойти нос и открыть дверцу, потом галантно руку подать – Оксана не воспользовалась помощью, так сказать, проигно-

рировала протянутую руку дружбы. Когда он показал жестом, куда идти, она решительно зашагала к «парадному входу», стремительность и уверенность в походке – характерная черта для самодостаточных людей, по мнению Терехова. Однако ему пришлось обогнать ее и указать на неприметный вход рядом:

– Нам сюда, Оксана Дмитриевна, а оттуда выносят покойников в дешевых и очень-очень дорогих гробах – кому как повезет.

Оксана не оценила жалкое подобие шутки. Ну, а Павел Терехов, шагая по коридорам морга, искоса изучал возможную свидетельницу, на лице которой уголки поджатых губ брезгливо опустились вниз, хотя чистота здесь стерильная. Но одно слово «морг» ввергает некоторых в панический ужас, что дорога эта ведет в ад.

Настал момент опознания, они вошли в пустое и холодное помещение с обложенными скучным кафелем стенами, появилось ощущение, будто вошли в безвоздушное пространство. На высокой каталке, судя по очертаниям, лежал труп, полностью закрытый полотном... Оксана сто раз видела все это в кино – ничего нового, но почему-то у нее учащенно забилось сердце. Пожилой мужчина в экипировке медика и с лицом ученого обратился к следователю:

– Павел Игоревич, вы поставили в известность свидетельницу...

– Само собой, – мягко с улыбкой перебил его Терехов (на-

шел, где улыбаться). – Оксана Дмитриевна в курсе, что труп несколько...

– Какое длинное вступление, – недовольно заворчала та, – со вчерашнего дня длится. Вы меня пугаете. Показывайте ваш труп, иначе убегу.

Пожилой человек привычно откинул полотно, обнажив верхнюю часть убитой по грудь... У Оксаны глаза полезли на лоб, дыхание перехватило, а здесь и так ей не хватало воздуха. Нет, она не относится к нежным дамам, вовсе не экзальтированная особа, искусно падающая в фальшивые обмороки, но увиденное на минуту выключило ее из реальности.

Тело... На миг она отвела глаза, не в силах смотреть на ЭТО, затем снова вернула взгляд. Тело, на которое она уставилась с нескрываемым отвращением, мало напоминало женщину, дело не в том, что «труп пролежал некоторое время в воде», как сказал Терехов. Узнать в ЭТОМ кого бы то ни было – невозможно. Даже пол определить невозможно, не по волосам же, в само-то деле, определять! Длинные волосы носят и мужчины, но раз говорят, что это женщина... Лица-то нет. Вместо лица месиво, будто искромсанное крупной отверткой, притом ни капли крови, словно месиво тщательно вымыли с мылом и обсушили феном. Больше ничего Оксана не рассмотрела, она отвернулась, прикрыв пальцами рот.

– Возьмите, – протянул ей целлофановый пакет мужчина.

– Что это? – отшатнулась она от него.

– Если тошнит, то прямо в пакет... Не стесняйтесь.

Очень мило! Здесь просчитали даже ее реакцию. Оксана отвела его руку с пакетом, уйдя к стене, только потом, через паузу, спросила:

– Что я в этом... – она имела в виду мертвую женщину, – должна понять? Кого именно узнать?

К ней подошел Терехов, стал рядом, только лицом к трупу, и, как ни в чем не бывало, словно дело привычное – искромсанное женское тело, он заворковал, наверное, чтобы его интонация успокоила свидетельницу:

– Понимаю ваше состояние, но вы тоже поймите нас. Эту женщину убили тяжелым и острым предметом по голове...

– Обычно небольшой острый предмет, но которым можно проломить голову, это топорик, – вставил пожилой человек. – Удар нанесли сзади выше затылка.

– Удар нанесли сзади, два раза, – продолжил Терехов. – После сбросили труп в воду, когда жертва была еще жива, о чем свидетельствует вода в легких. К нам она попала примерно через неделю после смерти, тело привели в порядок...

– Пожалуйста, без подробностей, – взмолилась Оксана.

– Хорошо, хорошо, – сказал он. – Убитая звонила только вам, звонила несколько раз, если, конечно, эта женщина та, которую знаете вы.

Взглянув на него, Оксана непроизвольно поморщилась:

– Звонят мне многие, знакомые и те, которых я никогда не видела.

– Наша задача найти убийцу, помогите нам.

– Как?! Как помочь, вы о чем?! У вашего трупа лица нет!

– Это речные хищники, – сказал пожилой мужчина.

– Хищники? – дернулась Оксана. – В каком смысле? Ка-

кие?

– Раки, щуки...

– Вы хотите сказать, что ее с... с... с... – заело Оксану.

– Немножко съели, – согласился пожилой мужчина. –

Естественный процесс, мадам. Потеплело, река ожива, а живность хочет кушать.

– Фу, – брезгливо передернула она плечами. – Никогда больше не буду есть раков. И щук. И креветок. Что там еще плавает? Никогда...

У Терехова цель – получить информацию, он упрямо гнул свою линию, но не настаивая, не давя на нее, а тихонько зомбируя:

– Повнимательней взгляните на волосы, они отлично сохранились, особенно в лобовой части, на висках – это все индивидуальные особенности. Уши! По ушам тоже можно если не узнать, то хотя бы предположить, что это за человек, при всей одинаковости уши отличаются. Если вам хоть что-то запомнит в ней знакомую, возможно, вы вспомните и особые приметы, а мы сверим.

Не говоря ни слова, Оксана медленно развернулась лицом к трупу и пошла туда на вялых ногах, словно шла на плаху. Зрелище не для слабонервных, она задержалась нена-

долго, мотнула отрицательно головой и стремительно вышла из ужасного помещения, за ней поспешил следователь. Если честно, Оксана злилась на этого безмозглого страуса, конечно, не показывая своего отношения. Надо же придумать такую жестокую экзекуцию: ничего не сказать заранее, только намекнуть – как будто намеки одно и то же с реальностью.

– Одну минуту... Пойдите! – Терехов перегородил дорогу Оксане, она остановилась, враждебно уставившись на него. – Понимаю, процедура не из легких, но давайте доведем до конца...

– Что?! – попятилась от него она, Терехов упредел возмущения:

– Нет-нет, больше трупов не будет, клянусь. Но на вещи убитой вы можете взглянуть? Вдруг они вам знакомы? Даже ехать никуда не нужно, вещдоки здесь.

Вещи – не страшно, хотя не исключено, что будет противно. Оксана согласилось только потому, что Терехов скорее заморозит ее в морге, но не выпустит без запланированных пыток, уж лучше потерпеть еще пять минут. Он привел ее в чистенький и светлый кабинет, заботливо усадил на стул, как дорогую гостью, ему осталось предложить кофе с чаем – вот тогда точно ей понадобится пакет, который любезно подсовывал пожилой дядечка.

Тем временем Терехов достал из шкафа свой пакет, большой и прозрачный, внутри... Оксана напряглась, глаза ее расширились, следователь мгновенно понял:

– Вы узнали эту вещь? (Кажется, она не услышала, а ведь он задал вопрос довольно громко.) Оксана Дмитриевна, эта вещь была на убитой. Вижу, вам она знакома. Верно?

– Это... это мой пиджак, – выговорила она с трудом.

Бахрейн, Манама, вечер того же дня

Сложив на груди руки и опершись плечом о край окна, Сурия любовалась сверкающей огнями столицей – вечерами она великолепна, похожа на праздник. И вечер после знойного дня очаровывал свежестью, потому что легкий, почти невесомый бриз дышал с моря, принося оттуда узнаваемые запахи.

Море... в нем соль земли, краски неба, сладость дождей, сила жизней, населяющих его – все это с каждым вдохом распространяется по клеткам, обновляя их и заполняя энергией. Тем временем шалун ветерок теребил волосы, словно живой, бесстыдно касался губ и шеи, вызывая улыбку Сурии, которая ощущала себя здесь и сейчас значимой единицей в огромном мире. Наверное, это и есть медитация. Впрочем, дело вовсе не в названиях, на разных языках чувство божественного покоя, укрепляющего силу духа, звучит тоже по-разному, а самочувствие одинаково.

Она так расслабилась, настолько погрузилась в чудесные ощущения, что не услышала, как в ее покои вошел мужчина и остановился у входа, задержав взгляд больших глаз навывкате под жесткой линией бровей на Сурии. Одет он в традиционную эмиратовскую одежду: длинную рубашку до щиколоток идеального белого цвета, голову покрывал белый платок гутра с красным принтом, прихваченный черным обру-

чем. Этот человек шагнул за шестидесятилетний рубеж, сохранив тело и душу в возрасте безвременья. Славен он великодушием и справедливостью, но обманщикам и предателям следует молить Аллаха о защите, ибо Ашраф ибн-Ахмад Аль-Сауд в отличие от Всевышнего беспощаден.

– Сурия... – тихо позвал он.

Повернувшись на голос, она буквально на глазах расцвела, улыбнулась, не скрывая, как рада, в следующий миг перелетела к нему и обняла за шею. Эту искренность, как и ум, а также знания он ценил в ней не меньше, чем дар природы – дивную, божественную красоту северных народов. Сурия немного отстранилась, чтобы заглянуть в глаза своего покровителя и понять, в каком состоянии он прибыл, потом нежно приложила губы к его щеке, покрытой короткой и седой щетиной, после произнесла:

– Я ждала тебя.

Ашраф ибн-Ахмад человек сдержанный, он не тратится на эмоции, потому одними глазами дал понять, что тоже рад видеть ее. Она не замечала в нем признаков близкой старости, этот человек не был похож на тех, кого Сурия знала когда-то давно, а в настоящем он виделся ей прекрасным ангелом. Это давнишняя история, она ушла туда, куда никто не возвращается – в прошлое. Усадив Ашрафа ибн-Ахмада на диван, чтобы тот для начала отдохнул с дороги, сама она села прямо на пол у его ног и позвала:

– Дамира! – Мигом появилась служанка, сухая пятидеся-

тилетняя женщина, а на вид ей все семьдесят дашь. – Наш хозяин приехал! Пожалуйста, принеси кофе.

Кофе – непременно ритуал в Бахрейне, без него не обходится ни одна встреча, да, вначале чашечка черного напитка, а то и две-три, изобилующего специями и непривычного для европейца, потом все остальное. Пока Дамира готовила кофе, Ашраф-ибн-Ахмад гладил Сурию по волосам, пышным и волнистым волосам цвета солнца, и с улыбкой смотрел в ее глаза цвета морской глади в ясную погоду. Ей тридцать четыре, по восточным меркам она немолода, но с каждым годом становится красивей – просто колдовство какое-то. После первого глотка он поставил чашку на столик и заставил Сурию сесть рядом, затем взял кейс, оттуда вытащил бумаги.

– Вот, – протянул ей папку. – Она твоя.

Закусив нижнюю губу, Сурия раскрыла папку осторожно, будто внутри притаилось неведанное существо, а там были всего лишь бумаги на арабском, некоторые она быстро пробежала глазами. Собственно, это сухой доклад о поисках и отчет о потраченных средствах. Из бумаг выпал паспорт, Сурия бегло пролистала его и заметила, не скрывая беспокойства:

– Он просрочен. Здесь должна быть другая фотография и...

– Не волнуйся, – слегка сжал ее запястье Ашраф ибн-Ахмад, – в этом мире все можно уладить.

Она сразу же успокоилась, так как его слово – закон, ко-

торый никто не способен отменить, и благодарно закивала, мол, тебе я верю, потом спросила:

– Когда я увижу ее?

– Скоро. Ее привезут... куда скажешь.

– В Фуджейру. Я очень люблю твоё поместье, там тихо, безлюдно... Но когда, когда ее привезут?

– Ни разу не видел тебя такой нетерпеливой. Ее нужно вывезти из Израиля, это не просто, а паспорт у нас, и он недействителен. Поэтому сначала ее перевезут в Турцию, там сделают документы, а после привезут... В Фуджейру? Значит, туда привезут. Это самый надежный и безопасный путь, но он займет какое-то время.

– Понимаю, – потупилась Сурия. – Я столько доставила хлопот...

– Ее искали мои люди, а не я.

– Как всегда, ты к себе несправедлив.

– Мне хотелось доставить тебе радость.

Неожиданно у нее дрогнули губы, она захлюпала носом, Ашраф ибн-Ахмад притянул ее к себе, обняв за плечи, и потечески пожурил:

– Непривычно видеть тебя и с мокрыми глазами. Ты расстроена? Когда новость должна радовать тебя?

– Но это от радости! – возразила Сурия. – Правда.

– Радость и слезы? Странно.

Она склонила голову ему на плечо, взяла его руку обеими руками и нежно коснулась ее губами. Этот искренний поце-

луй больше, чем слова, он – знак благодарности, любви, уважения и восхищения.

Россия, тот же вечер

Ужин выдался поздним, так бывает нечасто. Арсений задержался на работе, без него Оксана не садилась за стол, какой бы голодной или уставшей ни была. Ужин всегда готовила она сама, нет, она священнодействовала у плиты, со стороны – колдунья варит зелья, а на самом деле кипело овощное рагу и подходило в сковородке мясо. Каждый вечер Оксана накрывала на стол, как ни в одном ресторане не накроют, потому что там механика, а у нее обожание семьи, мужа, детей, даже зловредная свекровь заняла крошечную ячейку в обожании. И так из года в год. Правда, сегодня ужин пришлось готовить два раза, первый подгорел – Оксана задумалась и очнулась, когда из-под крышки повалил черный дымок. Кажется, дорожкой сковороде хана, впрочем, деньги ерунда, если они имеются. Приехал Арсений, еще в прихожей поинтересовался как дети.

– Мама забрала, – коротко ответила Оксана. – Моя.

Обычно так: он спрашивает о детях, а она рассказывает истории, связанные с ними, оба смеются или спорят о методах воспитания – это любимые мгновения в текущих днях. Однако сегодня запомнилась невеселая процедура, которую хотелось поскорее забыть, да не все, что хочется, легко и просто забывается. Арсений сначала рассказывал о своих проблемах, но, видя, что жена в состоянии отсутствия присут-

ствия и не только не ест, она вообще не вникает в его дела, витая в неизведанных высях.

– Ксюша, ты где? – тронул ее он за руку.

– А? – встрепенулась Оксана. – Ой, прости, устала сегодня...

– Уставшая ты другая, к тому же не страдаешь отсутствием аппетита. Выкладывай, что случилось. – Она и бровью не повела. – Оксана! Ты меня сердишь.

Угроза существенная, хотя он не деспот-тиран, это просто способ заставить ее говорить, и жена подчинилась:

– Не хотела ставить тебя в известность...

– Мне уже нравится твой официальный тон, – ухмыльнулся он, разрезая мясо на тарелке, которое сегодня ей не удалось запихнуть в себя. – Давай покороче, саму суть.

– Короче? Меня вызвал следователь на опознание.

Пауза. Арсений выпятил губу, смотрел на жену с недоумением, вероятно, никак не мог соотнести ее со следствием, тем более с опознанием. Наконец:

– Тебя? То есть тебе показали труп, я правильно понял?

– Да, показали.

– А почему тебе?

– Потому что Нютка чаще всего звонила мне. Ее вычислили по номеру паспорта, который нашли в одежде, потом определили номер телефона...

– Нютка? А что с этой безбашенной?

– Убита. Кто-то саданул ее по башке... топором... кажет-

ся.

Арсений с раздражением кинул нож с вилкой на тарелку, скрестил руки на груди, уложив локти на стол, и уставился на любимую жену исподлобья. Ну, вот, снова из-за Нютки стычка с мужем! Ее уже нет на свете, а проблемы она умудряется навязать и после смерти. Арсений терпеть не мог так называемую подружку жены, но если честно, достала она и Оксану, ух, как доставала. К сожалению, жизнь устроена однобоко: связи сложно обрываются, если одна из сторон этого не желает, как раз Нютка и не хотела. Ей укажешь на дверь, она в окно залезет, окно закроешь, через дымоход просочится, ей было плевать, что ее выгоняют.

Муж для Оксаны в буквальном смысле свет в окошке, на который она боится нечаянно дунуть – еще растворится в воздухе. В отличие от нее, он действительно суперхорош, даже если оденется в лохмотья. По странной закономерности в нем соединились масса качеств, встречающихся только в книжках, в первую очередь это покладистый характер, во вторую – внешность. Арсений высокий и костюмный, но не в театральном смысле, когда речь идет о костюмных спектаклях, просто ему потрясающе идут костюмы, он в них идеален, аристократичен. Неважно, что носит волосы до плеч, как бы прическа не соответствует костюмам, да и черты лица мягкие, а не brutальные, ореховые глаза огромны и больше подошли бы женщине. При всем при том он далеко не рохля, Арсений мужчина во всех смыслах, и последнее: он

порядочный, семья для него – святое.

А сколько усилий прилагает Оксана, чтобы не отравлять себя ревностью, ей во всех красивых бабах видятся хищницы-соперницы. Именно поэтому она себя постоянно шлифует, лишний час не поспит, но после сна из ванной никогда не выйдет нечесаным и запухшим чучелом. Перед мужем она появляется только во всеоружии – одетой, накрашенной, причесанной, – чтобы у него мысли не возникло кинуть взор на сторону. Халат? Разумеется, халаты у нее есть, но эти произведения искусства не для быта, они для спальни. К счастью, у мужа имеется еще одно неоспоримое достоинство: Сенечка ленив. Ухаживать, врать, выкраивать время на любовницу, прятаться, трястись, что жена застукает, или кто-то банально настучит ей – слишком хлопотно.

Если учесть, что месяц назад исполнилось десять лет их браку, то, наверное, ее обожание все же выглядит забавно. К этому времени супруги, судя по знакомым, круто охладели друг к другу, особо одаренные эгоизмом успевают развестись со скандалом, а в семействе Масловых мир, ясность, чуткость.

– Я предупреждал, – заговорил Арсений стальным тоном начальника, – я настаивал, что с подобными личностями надо завязывать. Грубо завязывать, раз не понимают. У нас свой уровень, у нее свой, где ей и проломил голову. Но тебе ее жалко. Было! Ты как зомби тащишься к Нютке по первому ее скулежу.

– Она болела, – робко возразила Оксана.

– Алкоголизмом, – согласился Арсений. – Жалости, моя дорогая, не все заслуживают, во всяком случае, не Нютка. Но у нас почему-то принято жалеть отребья, которые сами залезли в помойную яму и, как правило, вылезать оттуда не имеют намерений. Она же на голову тебе садилась. И на мою пыталась залезть.

– Как пыталась? Что ты имеешь в виду?

– Ничего, что подлежит обсуждению в нашем доме. Что там было?

– На опознании?..

Без сомнения, пиджак принадлежал ей

Нютка... Когда-то была она славненькой, наивной, голу-боглазой куколкой и восторгалась по всяким пустякам, эдакую очаровашку называть Анной не поворачивался язык, только Аннушкой, чаще – Анютой. Шло время, девчушка менялась, но не в лучшую сторону. Между тем и имя уменьшилось на одну букву, осталась Нюта, которой хронически не везло, начиная с мужиков – ее все бросали. Когда юная куколка изрекает некую глупость – это вызывает умиление, но когда взрослая деваха мелет чушь, это бесит, а любовников так и вовсе доводила данная черта до белого каления. Любовники уходили, отблагодарив Нюту за любовь и преданность кулаками.

В очередном статусе брошенки она запивала горе вином, и чем дальше – тем дешевле на ее столе появлялось пойло. К тридцати годам Нютка сложилась в стойкую выпивоху, ее интересы дальше посиделок с рюмкой не распространялись, к тридцати трем она приобрела алкогольный типаж – знаковую припухлость личика и блудливо-игривый глаз. С этих пор характер Нютки напрочь испортился: куколка переродилась в хабалку и попрошайку, выклянчивающую деньги у знакомых или хотя бы жратву. Нормы с моралью перестали для нее существовать, на высший балл она усвоила лекси-

кон люмпенов, основным приемом стала лакейская наглость. Работать они-с не желали – зачем, когда можно некоторых тупиц доить? Оксана так просто обязана была содержать ее, потому что... А потому что! – вот и все объяснение. Такова краткая история дурехи, которую изложила следователю Оксана днем.

– Вы уверены, что этот пиджак ваш? – уточнил он.

– Мой, – ответила Оксана. – Я отдала его Нютке.

– Дороговатый подарок. Или я ошибаюсь?

Нет, Терехов не ошибся. Пиджак стильный, приятного лимонного цвета (если не считать то ли грязных, то ли кровавых пятен), брендовый, естественно, дорогой. Подобных вещей мало, да и куплен он в бутике Милана, значит, второй такой в городе – нет, нереально. Отдать пришлось, мерзавка Нютка научилась вымогать желаемую «плюшку» путем шантажа:

– Вот возьму и расскажу твоему Сеньке, что у тебя любовников хренова туча! Он тебя сразу бросит. Бросит, бросит! Он же у тебя ни рыба, ни мясо, сибарит хренов и самовлюбленный болван. Правильно сделает, потому что ты гадина... Ой, я хотела сказать – жадина, случайно вырвалось – гадина. Хи-хи-хи... Ну, прости, прости... Язык враг мой, что хочет – то и лопочет. И твой... враг... Хи-хи-хи-хи...

Легче стянуть пиджак и кинуть в алчную, наглую, подлую крысиную мордочку, тем самым избавиться от проблем. На время, конечно, до следующего вымогательства. Признаться,

Оксана боялась, что эта дура наплетет мужу всякой дряни, хуже нет ситуации, когда надо оправдываться за то, чего не делал. Доказать правду зачастую не представляется возможным, потому что человек верит в ложь легче, чем в любые доказательства якобы провинившейся стороны. А пиджак... спокойствие дороже. Но весь этот балаган не перескажешь следователю, он же подумает черт знает что.

– Все-таки, – задумчиво протянул Терехов, когда и юбку Оксана признала своей собственностью, подаренной Нютке, – мне не понятно, что связывало вас, благополучную, элегантную женщину с Анной Гришак, хронической алкоголичкой и наркоманкой.

– Мы с детства дружили. Она приехала с матерью из деревни такая хорошенькая... В одном доме жили... в старой пятиэтажке... учились в одном классе, позже встречались после лекций в институте, ходили по театрам, концертам... Что вы сказали? Наркоманка? Нютка? Почему вы так решили?

– Не я решил. Патологоанатом, он все видит, когда разрежет человека.

Она вздохнула, догадываясь, что выглядит в глазах следователя не крутой бизнес-леди, а клинической дурой, что он и подтвердил:

– Вы серьезно не замечали за ней пристрастия к наркотикам?

– Никогда. Мы редко виделись, обычно она звонила, когда

нужны были деньги... или еда... или вещи какие...

– А вы, получается, всем обеспечивали ее?

– Ну, получается, – раздраженно бросила Оксана. – Мы недолго виделись, я мало имею свободного времени, только приезжала и отдавала. У меня не было повода заподозрить, что она тратила на... Наверно я плохая подруга.

– Наверно, – согласился Терехов. – А круг ее знакомых?

Что могла рассказать о знакомых Нютки Оксана? Наверняка алкаши, а если не алкаши, то ясен пень тунеядцы, которым понадобилось временное жилье и полный, пусть и скудный, пансион. Ко всему прочему она чертовски устала от вопросов и уже ничего не хотела.

– К сожалению, – продолжил Терехов, – мы никого не нашли из телефонных контактов Анны Гришак, скорей всего, это номера с левых сим-карт.

– Клянусь, я не общалась с ее сожителями и друзьями, мне они были неинтересны, более того, противны. Так что не смогу помочь отыскать их.

– Ладно. Последний вопрос на сегодня: были на теле Нюты приметы? По которым можно точно определить, что это она, а не другая женщина?

– Да... Да! На бедре... на правом... тату – ящерица зеленая. Изогнутая такая... буквой S... латинской. С золотистыми пятнышками. Был у нее один татуировщик, он и сделал тату, ну, как оберег – ящерица умеет сбрасывать хвост в опасных ситуациях и спасается бегством.

– К сожалению, наличие или отсутствие татуировок не может быть доказательством личности. Нужно что-то... чего у других нет, присущее только ей.

– Тогда... два шрама от ножа, – с сомнением произнесла Оксана, но, видя, что Терехов заинтересовался, продолжила более уверенно: – Один на руке выше запястья, она защищалась, второй ниже ребер – она успела увернуться, лезвие проткнуло насквозь бок, правда, жизненно важные органы не были задеты, но рану зашивали в больнице.

Терехов взял смартфон со стола и позвонил:

– М-да, какая яркая у людей жизнь, однако не помог оберег Анне... Леонид Львович, татуировки на теле Гришак есть?.. Ага, ящерица, спасибо... Знаю, знаю. И все-таки это подтверждение личности. Но у настоящей Гришак есть еще приметы, два шрама от ножевых ранений... Да, да, именно так расположены.

Он положил трубку на стол, взглянул на Оксану и кивнул:

– Это она, Гришак Анна. Приметы совпали полностью.

Нютка всегда стояла между ними

Нет, не в том смысле, она не претендовала на Арсения – куда ей, но стояла невидимой стеной, внося раздоры, даже когда ее не было рядом. Она была неотъемлемой частью их жизни, хотя в доме при Арсении появлялась редко, зная его реакцию, которую он не удосуживался прятать. Муж категорически возражал против их «теплых» отношений, хотя Оксана дружбу отрицала. «А что это?» – взрывался Арсений, на сакраментальный вопрос жена неубедительно мямлила, пытаясь объяснить ему, что не может сказать Нютке – пошла вон, забудь ко мне дорогу.

– Ты прекрасно знаешь: мы почти всю жизнь провели вместе, – убеждала Оксана, чуть не плача, так как страдала из-за этих дурацких ссор и, кстати, на рожон не лезла. – Пережили много плохих и хороших дней, даже голодали и радовались куску хлеба. Знаешь, я не могу вот так просто... Ну, не повезло ей, безвольной она оказалась, слабой. Не все люди, Сеня, рождаются сильными и удачливыми. Я могла оказаться на ее месте...

– Если бы могла, то оказалась бы, – возражал он.

– Не ухмыляйся, не раз и мне приходила мысль сдаться, пустить все на самотек, но смотрела на Нютку, видела, как она падает, и... карабкалась. В какой-то степени благодаря ей я стала той, которую ты знаешь. Не сердись.

– Да ради бога, как пожелаешь, – раздраженно отмахивался он.

Арсений готов был забыть подружку жены навсегда, мол, дружи на стороне, лишь бы я не видел ее, так ведь сама Нютка не давала себя забыть. Уж если негодяйка появлялась в доме Оксаны, то подгадывала момент, чтобы нажать на клавишу звонка примерно за полчаса до возвращения домой хозяина. И попробуй, не пусти эту дрянь! Она звонила беспрерывно, раз за разом нажимая на звонок, вдобавок принималась орать на весь поселок, специально поднимая шум:

– Ксюха! Открывай, я пришла! (Вот счастье-то привалило – она пришла!) Ксюха, я знаю, что ты дома... Ксю-у-у-ха! Блин, не уйду, так и знай! (Кто б сомневался!) Слышишь?.. Не уйду! Пожрать любимой подруге дай, крысятина! Открывай, говорю!

Ну и кто не откроет? Это шумное позорище портило имидж, следовало загнать Нютку в дом, иначе соседи... поселок-то престижный. Чудовище вваливало в прихожую, сбрасывая на ходу грязную обувь, одновременно хихикала:

– Ну, разжирили, буржуи... Натырили народных денег и катаются, как жабы в масле. Одним словом, маслята.

– Катаются сыры в масле, – лениво исправляла Оксана, так как слушала подобные бредни каждый раз, научилась реагировать минимально, понимая, что Нютка заводит ее специально. Вторую фразу она произносила в зависимости от ситуации, например: – Какого черта прикидываешься чуркой

необразованной?

– А я всегда была такой. Это ты городская, а я из деревни... чурка по-вашему. Мани-мани гони, у меня...

И выворачивала пустые карманы. Потом рыдала (артистка), оплакивая свою жизнь никчемную, потом лезла в бар, не спрашивая разрешения, и находила бутылку:

– О, винцо! Супер, супер! Мартини! Люблю, люблю, люблю! Бокальчик мартини, сигаретку... кайф! Я возьму, а? Оксаночка, любимая моя! Жалко подружке убогонькой бутылку отдать? Ну, пожа...

– Бери. Это все?

– А денежки? – выпятив губу, как маленькая девочка, ныла Нютка. – Нюточке кушать нечего, Нюточка голодненькая, холодненькая, почти покойница... – И вдруг менялась в лице, превращаясь в маленькую злобную собачонку. – Или ты моей смерти желаешь? Ха! Не дожدهшься. Я вас всех переживу.

– Господи, как ты мне надоела... – закатывала глаза Оксана.

– А ты мне нет, – искренне хлопая большими глазами с длинными ресницами точь-в-точь как у куклы, говорила Нютка. – Ты же мой банк, моя кредитная карточка, мой актив и пассив, эти вещи никогда не надоедают, их любят. Вот и я люблю тебя сильно-пресильно. Дай денег. – И рывкала: – Дай!

– На! – психанув, вынимала купюры из кошелька Оксана

и бросала иногда в лицо подружке. – Бери, черт с тобой.

– Спасибочки, благодетельница, – не обижалась на грубость та, радостно ловя купюры руками, а потом поклоны била, мерзавка. – Ой, как же я благодарна, как же я ценю и молюсь за здоровье и удачу моей любимой Оксаночки. Да чтоб у тебя всего было полно, да чтоб к тебе баблосы рекой лились... Мне же тоже обломится, если Оксаночке куча бабла привалит.

– На работу когда устроишься?

– Не берут. Я не нравлюсь всем этим... работодателям. Разве что метлой улицы мести... Но тут увольте, мой богатый интеллект сопротивляется грубой неквалифицированной работе. Не, а чего ты фыркаешь? Чем я хуже тебя? Ты тоже не из графьев. Так чем? Ага, одеждой, да? Вот если бы ты Нюточку придела... У тебя шмотья до хрена и больше, ничего, что великоваты, может, я скоро тоже отъем задницу, как у тебя. Поделись с дорогой подругой, наперсницей верной твоей...

Оксана делилась. Так и отдала брендовый пиджак с юбкой, дешевых единиц из «шмотья» у нее не водится, именно тогда подумала, что надо бы купить вещички подешевле для попрошайки. Но вот открывалась входная дверь, которую видно из гостиной, Нютка менялась в лице, став сплошной добротой, разведя ручки в стороны, как для жарких объятий:

– Ой, наш муж пришел! Как же мы ждем тебя, дорогой

Арсенюшка, даже чаю не попили, конфеток с печеньками не поели. А идемте на кухню? И в тесном дружеском кругу... Ну, не смотри на меня так ласково, а то я растаю.

Действительно, в дверном проеме стоял Арсений, вперив в нее суровый взгляд инквизитора и поставив руки на пояс, это сама угроза в его лице застывала на пороге собственного дома. Случалось, Нютка тотчас убиралась – если явилась трезвой, что было большой редкостью, но подшофе она обязательно лезла в бутылку:

– Угу. Банкиру Нюточка не нравится, не любит наш домашний банкир Нюточку, хочет, чтобы она ушла.

– Ну, наконец-то научилась читать мои мысли, – мрачно констатировал Арсений. – До свидания.

– Арсений, я прошу тебя, – традиционно сбивала накал мужа Оксана.

Босая негодяйка чинно шла к выходу – прихожая длинная, доходила до Арсения и плюхалась на пуфик, изображая, будто подвернула ногу, или у нее голова закружилась, или живот прихватило... фантазия так себе, но все же приемов хватало, чтобы остаться еще минут на пять и попортить нервы «гостеприимным» хозяевам. После серии стонов, на которые реакция у Оксаны и ее мужа была нулевой, она брала агрессивный тон безродной и злобной шавки:

– Ишь, зажрались! Богатеи хреновы! В элиту они вылезли... ха-ха. Какая вы, блин, элита? Забыли, как бегали во дворе? С такими же, как я, во дворе обычной хрущевки.

И сопли утирали рукавом. А что вы сделали, чтобы стать этой самой элитой? Вы же ничего не создали, ничего. Только бабло хапали всеми правдами и неправдами, да ряхи наели – скоро треснут. Копнуть вас – так обоих сходу нужно в тюрьгу законопатить на долгие годы. Элита они... Срань господня.

– Речь толканула? Теперь брысь отсюда, пиявка.

Арсений шире распахивал входную дверь, приглашая хамку на выход. Любой человек обиделся бы, только не Нютка, она начинала пикироваться с ним, доводя его до точки кипения. Когда видела, что он готов в нее кинуть, что в руки попадет, уходила, без причин хохоча, словно пациентка дурдома. Понятно, что это были провокации, а муж Оксаны их заглывал, вот дурачок. В общем, подобные эпизоды повторялись и повторялись, как занудливый сериал.

И сейчас, исчезнув с лица земли, она снова разделила их

Наверняка паршивка Нютка смеется с того света над Оксаной и ее «масленком» – так уничижительно она прозвала Арсения, заполучившего от предков симпатичную фамилию Маслов.

– Надеюсь, ты не выложила следователю наши отношения с Нюткой? – после длинной паузы спросил Арсений.

– Что ты! Разумеется нет, – заверила Оксана, приложив обе ладони к груди, чем напомнила себе приемчики Нютки. – А почему ты беспокоишься? Масса народу живет, находясь в тех же отношениях, что и мы с Нюткой. К тому же она не с профессорами общалась, а с такими же отбросами.

– Ага, – хмыкнул он, потом заметил: – Но только редких единиц из этой массы отбросов убивают топором. Твоя неблагодарная Нютка портила нам жизнь, она издевалась, разносила сплетни, скандалила... Боюсь, у нас начались неприятности.

А в данную минуту не задался ужин из-за нее, жаль. Кому охота заполучить проблемы? Тут будешь проигрывать все возможные ситуации с вариантами, дабы найти приемлемое решение. Видя, что муж не склонен доедать мясо, Оксана налила ему травяного чаю, но он потребовал коньяку. Она поставила две рюмки – для себя тоже, Арсений молча напол-

нил их, выпили, не чокаясь и, разумеется, без тостов. Нютка даже помянуть заставила ее грешную душу и тело! Тем временем Оксана не решалась спросить мужа, о чем он глубоко задумался, а ведь что-то решал про себя, вторую рюмку выпил сам, забыв налить жене.

– Знаешь, а я склонен... – проговорил он тягуче и замолчал.

– Что? Да говори же! – нетерпеливо выпалила Оксана.

– Нанять детектива, – выдал Арсений.

– Зачем? – пожала она плечами.

– Чтобы нашел убийцу Нютки.

На минуту жена впала в некий транс, приоткрыв ротик, но Арсений не смотрел на нее, стало быть, не видел, какое неизгладимое впечатление произвела его последняя фраза. Очнулся он, когда Оксана произнесла с присущей только ей насмешливой интонацией, правда, совсем необидной:

– Я словно выдуманную историю смотрю в бездарном кино: детектив... поиск убийцы... Самому не смешно? А мне показалось, тебе что-то серьезное пришло в голову.

– Понимаю твой скепсис, – наконец перевел на нее взгляд Арсений. – Но все же послушай меня. Я не терпел Нютку, запрещал тебе с ней видеться, мы из-за нее ссорились, а когда она наглела, мне приходилось выставлять алкоту за двери и даже за ворота, схватив за шиворот... не выставлять, а вышвыривать. Но самое досадное, что есть свидетели – наша домработница, мой водитель и, кстати, твой водитель тоже.

– С ними я договорюсь...

– Оксана, ты как маленькая. Раз договариваешься, значит, виновата – это элементарно. А соседи? И с ними договоришься? Вряд ли, они денег не возьмут, у них этого добра выше каминной трубы. Следовательно однозначно решит: раз я твою Нютку выбрасывал из дома, значит, мог и... чтоб не мешала.

– Не мог! – вспыхнула Оксана. – Что за чушь?

– Мы оба можем попасть в подозреваемые, – настаивал на своей версии Арсений. – Ты тоже с ней постоянно ругалась, этого достаточно.

– И я же содержала ее! Где логика?

– А это неважно, – добил ее муж. – Те, кто реально мог убить Нютку, я имею в виду бомжей всяких, с которыми она шмурдяк литрами глушила, они неинтересны следствию. Интересны только платежеспособные.

– Сеня, ты преувеличиваешь. За Нюткины выкрутасы не убивают, максимум – бьют по морде, да и то мужиков. А в ее тусовке запросто отправят на тот свет ради свитера, который я отдала ей, или ради моей старой куртки, да просто за скверный характер. Следовательно это знает не хуже нас с тобой, мне он показался умным и адекватным.

– Я хочу обезопасить нас на тот случай, если ты ошиблась на его счет. Все, на этом обсуждение данного вопроса закончено.

– Как скажешь, – покорилась мужу Оксана.

Он взял ее за руку и пересадил к себе на колени. Целуя в губы мужа, Оксана отбросила мысли о бывшей подружке, как отбрасывают картофельную кожуру в мусорное ведро, да и Арсений выкинул из головы клиническую дурочку Нютку-Анютку, не сохранившую ни одной положительной черты с его точки зрения. Что ж, в этой жизни каждый получает то, что заслужил, и никак не иначе, некоторым выпадает сдача – например, топор.

А уже неделю спустя...

Арсений сидел в кабинете директора охранно-детективного агентства. Всю неделю, едва выдавалось свободное время, которого и так критически мало, он придирчиво штудировал отзывы о ЧОПах с детективным уклоном. Не предполагал, что подобных контор в городе неприлично много, с другой стороны мегаполисы наверняка нуждаются в услугах разного рода. Есть небольшие агентства и занимаются только охраной, например, магазинов – эти Арсений сразу отмел. Но есть и вполне солидные с длинным перечнем услуг, включая частные расследования и гарантируя конфиденциальность, их немного. Он остановился на среднем по ценовой политике агентстве не потому, что жадный, просто при одинаковых услугах одни намеренно завышают цену, тем самым поднимая свой престиж, в этом есть некая червоточинка, не позволяющая доверять владельцам и их сотрудникам. А те, кто занижает цены, лукавят: в процессе работы они, как правило, увеличивают стоимость услуг, что тоже похоже на хитрую ловушку, ведь когда карты открыты, сопротивляться уже поздно, как и отказаться от услуг. Середняк – боле менее честный подход.

Глава агентства «Мистер Икс» (прикольно, Арсений всегда ценил чувство юмора) Будаев импонировал возрастом. Ему лет пятьдесят, значит, он приобрел колоссальный опыт

прежде, чем решился открыть рискованное предприятие, следовательно, этот человек уверен в собственных возможностях. Улыбчивый бородач Спартак Маратович вышел из правоохранительной системы, что является огромным плюсом, ведь частники помогают государственным, те в свою очередь не лишают их помощи. Внешне... да обычный: любитель поесть – сразу видно, но не рыхлый, скорее, Будаев крепкий и произвел впечатление очень энергичного человека. Что еще вызывало симпатию? Коммуникабельность, быстрое погружение в проблему, вопросы профессионала, в общем, с первой же минуты они поладили.

На самом деле, выслушав Арсения, Будаев немного приуныл: хренюю мается господин банкир, перестраховщик. В принципе, за ваши деньги – любой каприз, только подобные убийства совершенно бесперспективны, а результат Маслов потребует за свои кровно нажитые непосильным трудом. Да и репутация Будаева кое-чего стоит, но вслух он пообещал заняться этим неинтересным для него делом, подписали договор. Арсений внес сумму на текущие расходы и ушел, а Спартак Маратович позвонил другу:

– Кто работает по убийству Анны Гришак?.. Которой полакомились подводные аборигены... Ах, боже мой, ну, частично скушали – мелочи роли не играют... Жду, жду...

Вошел юноша, иногда, в свободное от основной работы время, исполняющий обязанности секретаря:

– Спартак Маратович, там женщина просится к вам.

– Сейчас, пусть подождет, – жестом выпроваживая его, бросил Будаев, не отрывая от уха смартфона. – Это недолго, скажи ей, минут пять, не больше... Да-да, я слушаю, слушаю!.. Ага, Терехов. Новый следак, как я понимаю. И как он?.. М-м-м, головастик, значит. А чем же он прославился?.. Конечно, помню, еще бы! «Грации», так, кажется, называли, дело очень громкое было, эх, мне таких не попадалось, я бы тоже... Нет, понятно, что не один работал, подобные дела один человек не потянет... Хочу переговорить с ним, интересы наши совпадают... Тайна следствия, ха-ха-ха. Ладно, потом расскажу. Пока.

Положив смартфон на стол, Будаев пришел к выводу, что в случае неудачи, будет хоть оправдание, что не только он не смог найти убийцу, мощный коллектив СК тоже оплошал. Так, теперь женщина...

– Рома!.. (Тот забежал в кабинет.) Давай сюда твою женщину.

– Она не моя, не по карману, – фыркнул паренек и исчез за дверью.

Разумеется, женщины обращались за помощью к Будаеву, само собой, это весьма не бедные дамы, ибо услуги «Мистера Икс» недешевы. Бизнес-леди нуждались в охране своих предприятий или телохранителях, если получали угрозы; стареющие тетеньки просили последить за мужем на предмет любовниц, а то и проще – нарыть компромат, чтобы с благоверного при разводе содрать три шкуры, оста-

вив голым-босым. За редким исключением все три категории внешне одинаковы, как сестры из одной семейки, во всяком случае, Будаев не видел в них различия: немолодые, откормленные, злобненькие (почему-то обиженные на жизнь), ну и высокомерные.

Но в данную минуту в его кабинет вошло исключение: молодая, не раскормленная, отлично одетая (дорого и со вкусом), наверняка красивая. Почему наверняка? Потому что она не сняла солнцезащитные очки «кошки», явно хамелеоны, сквозь матовые стекла которых глаза, ярко подкрашенные, немного просматривались. Ее голову покрывал кремовый шарф, свисающий свободно по обеим сторонам лица с заброшенными концами за спину, фигуру скрывало свободного кроя пальто светло-зеленого цвета почти до пят – тем проще мужское воображение дорисовывало линии тела с анатомической точностью. По нижней части лица сложно судить, но острый подбородок, пухлые губы и носик... ну, как с картинки. Исключение уверенно прошло к столу, без приглашения уселось, по-королевски выпрямив спину и закинув ногу на ногу, одновременно Будаева кольнула грешная мысль: «Никогда у меня не было таких шикарных баб... Теперь уже и не будет».

– Слушаю вас.

Заговорила она ровным голосом, сухим тоном, неторопливо, подобным тоном говорят те, кто даже в мыслях не допускает отказа:

– Только что у вас был Арсений Маслов, что ему нужно?

– Э... – Чего уж там, Будаев от такой наглости обалдел, отсюда растерялся, но ненадолго. – Простите, Маслов ваш муж?

– Еще чего! Вы удивитесь, но я даже не знакома с ним.

Нормально? Будаев поймал себя на мысли, что глаза его вот-вот вылезут из орбит, а то и упадут на стол, он, замигав веками, зачем-то полез в ящик стола, попутно промямлил:

– Почему же вас интересует...

– Вы об этом узнаете, но не сегодня, – позволила себе она перебить его. – Спартак Маратович, я рассчитываю на наше тесное и выгодное для вас сотрудничество. Итак, вернемся к визиту Маслова?

Ну и напор... хотя в привычном смысле напора нет. Однако порочное любопытство, свойственное сугубо женскому полу, вдруг скрутило Будаева со страшной силой – кто она, какое дело ей до банкира и его задания, если с ним даже не знакома?

– Простите, – произнес Спартак Маратович, – у нас тайна...

– Разумеется, тайны стоят денег, – вновь перебила она и, достав из сумочки белоснежный конверт, положила его перед ним на стол. – Тысяча баксов только за то, что вы скажете, с какой целью приходил Маслов, только за эту информацию.

Тысяча... ого! Кто ж откажется? В конце концов, его кон-

тора не полицейский участок, откуда информацию нельзя выносить и за взятки можно надолго присесть. Ничего преступного нет в том, что Спартак Маратович скажет, зачем приходил банкир, в которого она, может быть, тайно и до беспамятства влюблена:

– Маслов заказал расследование, чтобы мы нашли убийцу одной молодой женщины, которую выловили в реке...

– Анны Гришак? – Она не переставала удивлять его.

– Д-да... Вы с ней знакомы?

– Была. Не смотрите на меня, будто вы уже нашли убийцу, преступники сами не приходят к вашему брату, тем более не указывают на себя. Давайте лучше о деле? Но! Сначала я говорю свои предложения, вы слушаете, не перебивая, потом принимаете решение, согласны? (Он кивнул, интересно же, что за предложения у этой странной особы.) Итак, вы ведете расследование убийства Анны Гришак, лично вы, а не кто-то другой. За работу я буду платить лично вам столько же, сколько платит банкир Маслов плюс двадцать процентов в качестве премиальных. За премиальные вы обязаны регулярно и подробно докладывать мне о ходе следствия, вот мои координаты.

Она положила перед ним визитку, первое, что он прочел, имя: Богдана Ижевская – уже неплохо, а то ведь Дама Икс вовсе не прикольно, дела вести со странными особами безрассудно. Также отметил на крошечном клочке визитки, что есть электронная почта, скайп и номер телефона, кажется,

все в порядке, хотя... в наше время убедительную легенду состряпать – часик дела. Окончательно оживился Будаев, когда она достала второй конверт:

– Это на текущие расходы, тысяча баксов.

У Будаева едва не вырвалось неприличное слово для ушей пани «охренеть!». Две тысячи баксов эдак элегантно кинуть на стол, будто это чековая книжка, но с длинным рядом нулей на счету после скромных циферок! Он вспомнил:

– Договор сейчас подготовим и...

– Никаких договоров, – сказала она тем же ровным тоном, что и до этого, ни на йоту не повышая. – Договор между нами двумя, мною и вами. Устный. Вы согласны с моими условиями?

Голова Будаева сама по себе закивала без слов, он не успел отреагировать по-другому, опомнился – поздно, уже согласился. Осознав, что дал согласие фактически на авантюру, Спартак Маратович засомневался: а правильно ли он поступил? Однако между «правильно» и «деньги» мало кто выбирает первое, к сожалению. Черт – семья, дети, уже и внуки есть, к тому же ребята должны зарплату получать регулярно... Ну, раз так, настала пора отбросить сомнения и с ходу брать быка за рога:

– В таком случае, позвольте задать несколько вопросов о Гришак...

– Обязательно, но в другой раз, – обрубил его профессиональный экстаз Богдана. – Мало ли, что мне чудится-кажет-

ся, я не хочу, чтобы из-за моих ошибочных показаний пострадал невинный человек, поэтому! Вам предстоит самому разобраться, за такие деньги это будет справедливо. Надеюсь, не надо напоминать, что Маслову о моем визите...

– Не надо.

– До встречи, – впервые улыбнулась она.

Зубы белые, крупные, ровные, губы страстные... м-да!

Ижевская поднялась и прошла к двери, как царица после коронации, вопрос Будаева застал ее, когда она взялась за дверную ручку:

– Ну, хоть скажите, что за человек была ваша Гришак?

– Дрянь, – одним словом, не оборачиваясь, охарактеризовала убитую Богдана Ижевская и, не дополнив ни слова, вышла.

Спартак Маратович откинулся на спинку кресла, всего несколько секунд сидел, словно пришибленный, затем подался вперед и взял конверты. Две штуки баксов! Хорош улов за полчаса, однако везение предстоит отработать, а это не шашки сыграть. Перелистывая купюры, он сознался самому себе:

– Кажется, я выглядел идиотом.

М-да, нетипичная история. Будаев подхватился и ринулся к окну, в щель между штор он кинул взгляд вниз. Минуту спустя увидел Богдану Ижевскую, та подплыла к иномарке цвета бордо, неожиданно обернулась, подняла голову и эдак с томной ленью помахала ручкой в перчатке по локоть. Ви-

деть его она не могла – исключено. Откуда же знала, что он стоит у окна? Интуиция, что ли? Тогда она ведьма, надо полагать.

Бордовый автомобиль унес Ижевскую вдаль, а Будаев двинул назад к своему столу, серьезно озадачившись. Вот страсть как интересно: какое дело шикарной диве до алкашки-утопленницы с проломленной головой, якшавшейся с такими же маргиналами? Да у них там, на дне, страсти кипят – любая мелодрама по телику детским садом покажется. Какой-нибудь ханурик саданул Гришак топориком за вредность, ведь и Маслов, и Богдана отзывались о ней негативно, значит, кого-то вывела из себя, но! В данной истории есть приманка – да-да-да. Одно то, что заказчики, мягко говоря, специфичны, уже стимул тряхнуть стариной. Нет, если люди жаждут отдать бабки два раза за одну и ту же работу, к тому же с процентами, – пожалуйста.

– Ладно, пани Ижевская, принимаю твои условия, – сказал он вслух. – Только учти, если убила алкашку Гришак ты, обещаю: сядешь и надолго.

Перво-наперво Будаев взял трубку и позвонил приятелю, чтобы тот договорился с Тереховым о встрече, в данном деле не грех воспользоваться государственными структурами. Впрочем, теперь и он готов оказать содействие, если что.

ОАЭ, Фуджейра, спустя десять дней

Находясь на заднем сиденье – женщинам в Эмиратах разрешено садиться в автомобили только назад, – Наджия немного наклонила голову, вглядываясь в лобовое стекло, чтобы понять, куда ее привезли. И не понимала.

Автомобиль въехал на территорию двухцветного особняка, слепящего под ярким солнцем на фоне голубого неба белизной и ровным, мягким терракотовым тоном. Особняк гармонично совместил и две далекие друг от друга культуры: восточные архитектурные традиции с колониальным стилем дикого Запада, тем не менее, осталось ощущение, будто этот дворец игрушечный и поднялся со страниц книжки сказок по велению джина из лампы. Наджию пугал дворец и все, что с ней происходило, пугало.

Она вообще ничего не понимала – зачем ее перевозили из страны в страну, зачем дали новое имя, не соизволили познакомиться с двумя сопровождающими арабами, внушающими животный ужас, как выяснилось, безосновательный. В основном они пользовались жестами, приносили еду, одежду, показывали, когда ей на выход, фотографировали, перевозили, при этом не позиционировали себя с жлобским превосходством, с каким сталкивалась раньше. Впрочем, когда ничего не говорят, только заставляют слепо подчиняться, ждать добра глупо, даже если хорошо кормят. Наджия пригото-

лась к самому худшему варианту для себя, крайняя точка которого – смерть, возможно, это приемлемый выход для нее, но уж точно не лучший.

Автомобиль остановился у мраморных ступеней, ведущих к парадному входу, араб из особняка открыл дверцу, Наджия поняла, что ей приказывают выйти. Поправив никаб – эта штука постоянно норовила сползти с головы, она опустила одну ступню на землю, то есть на мраморную плиту с узором, такими плитами выложен двор, и провела взглядом по фасаду особняка. Что хотела увидеть? Наверное, людей. Но никого не заметила в длинных окнах, тогда вышла из машины и, когда араб протянул руку к входу, приглашая войти, обреченно прошла внутрь.

За вторым арабом, встретившим ее в холле, она шла через анфиладу комнат и через площадки под открытым небом, цветы и кусты в вазонах вносили разнообразие в интерьер. Наконец очутилась в просторном помещении, поражающем минимализмом и в то же время роскошью. Здесь каждый сантиметр дышал роскошью, всякая мелочь сражала искусным мастерством, как в музее, в то же время уют, теплота отсутствовали.

Наджие глубоко безразличны богатства этого дома, скорей бы кончилась загадка – вот ее жгучее желание. Пока она осматривалась, сопровождавший ее по дворцу араб бесшумно испарился. Оставшись одна, Наджия не воспользовалась ни диванами, ни креслами – ей не предложили при-

сесть, а ноги подкашивались, но самостоятельно сесть нельзя, могут наказать, она и стояла посреди залы, гадая, что будет дальше.

Ожидаемо послышались шаги. Торопливые. Но это не мужские шаги, наверняка женщина сбегала по ступенькам. Наджия поискала глазами лестницу – где, где она? Арки, тонкие колонны... Не видна лестница, какая досада. В следующий миг она услышала:

– Добро пожаловать, Наджия. Как ты доехала?

Фразы буквально прибили пленницу, ведь их произнес женский голос по-русски! Даже если предположить, что женщина русская (так чисто произносят слова и владеют интонационной окраской только носители языка), что приехала она погостить, то почему обращается к ней, как к старой знакомой? Странно, очень странно... Потому и повернулась на голос Наджия медленно, с опаской, так как ничего положительного для себя не ждала.

И увидела женщину в никабе. Только это не черный балахон с узкой прорезью для глаз, как у нее, а стильный, чистейшего синего цвета, спускающийся многослойными волнами на плечи и грудь. Одета женщина в голубое платье-абайю прямого кроя с замысловатыми вышитыми узорами. Других украшений на ней не было. Наджия не знала, что и думать, в паузе, которую выдерживала женщина, она заподозрила акт глумления. Разве не ясно, что пленница на пределе, мучительно блуждающая в догадках, так почему же сразу не

сказать, зачем она здесь?

Тем временем Сурия сделала несколько шагов к гостье и остановилась, у нее были совсем другие мысли: от встречи радостные и счастливые. Но и опасения тревожили, что встреча слишком волнующей окажется для Наджии, у которой, как сообщили, нездоровое сердце. Так или иначе, а следовало открыть все карты, возможно, от неведения гостье только хуже будет, и Сурия сказала:

– Ты не узнаешь меня. – Затем ловко отстегнула часть никаба, полностью освободив лицо. – А так?..

Наджия пристально всматривалась в нее, сведя брови к переносице... О, эти бирюзовые глаза она видела, да-да, видела, но память стерла – когда и где, память стирает все ненужное, все, что больше не пригодится. Пришлось усиленно копать в залежах прошлого, а там одна пустота, словно тридцати шести лет не прожито, и все же глаза... однако чего-то не хватало, чтобы отыскать это лицо. Словно читая ее мысли, Сурия сняла никаб, и поток золотистых волос хлынул на плечи, соскользнул по рукам, концы замерли у локтей.

– Неужели я так сильно изменилась? – улыбнулась она.

– Ничуть, – едва слышно от волнения произнесла Наджия с сомнением и потрясением одновременно. – Но этого не может быть... нет... не может.

– Еще как может. Машка, иди ко мне, я так долго искала тебя, а теперь хочу крепко обнять. Маша...

Она давно не слышала своего настоящего имени, с ним

пришло понимание, что все плохое, вопреки тревожным ожиданиям, отступило, оттого окончательно ослабли ноги, Маша просто села на пол и заплакала. Сурия вмиг очутилась рядом, упав на колени, стащила никаб с Наджии – та уже задышалась, и панически затрещала:

– Тебе плохо? Маша, смотри на меня! Я позову слугу, он отнесет тебя в твою комнату, потом врача... Подожди...

– Не надо, – остановила ее Маша, взяв за руку. – Не уходи. Со мной все хорошо... честное слово... хорошо...

Наконец они обнялись, да так и просидели в обнимку на полу очень-очень долго. Наджия-Маша тихо плакала, но это хорошие слезы, приносившие покой, а Сурия гладила ее по спине, приговаривая:

– Ну, что ты, что ты... Успокойся, моя хорошая, все позади, здесь ты в безопасности. Никто, поверь, никто не обидит тебя.

Россия, тот же день

Оксана успела забыть о беспутной Нютке, о вечных нервоотрепках, связанных с ее нашествиями, о стыде перед соседями, о постоянном страхе, что эта пришибленная алкоголем дура однажды явится в самый неподходящий момент. Что поделать, люди не горюют длительное время даже из-за родных и близких, ушедших в мир иной, а тут вредительница-воительница, далекая от родства, как вулканы Камчатки.

Напомнил о Нютке следовательно, о нем она тоже позабыла, но он снова вызвал Оксану «на беседу» – эти два слова ее просто бесили. Идя от двери к его столу, а путь короткий, она старалась по лицу Терехова определить, чего ей ждать. Павел Игоревич был непроницаем, это не та непроницаемость, характерная для людей без эмоций, типичных представителей всяких органов, которых ничем не пронять. Нет, он живой, человеческий, открытый, а все же...

– Смею надеяться, – начал Терехов доброжелательно, – вы свыклись с гибелью приятельницы и теперь ответите на мои вопросы.

– Почему же раньше не вызвали? – садясь напротив него, осведомилась Оксана. – После нашего... знакомства прошло почти три недели.

– Ну... – развел он ладони в стороны с улыбкой. – В поисках улик нам приходится переворачивать всю жизнь жертв

и предполагаемых преступников, так что времени ушло совсем немного, обычно данный процесс длится месяцами.

– Что, уже и преступники объявились? – обрадовалась Оксана. – А я тогда зачем вам понадобилась?

– И возможно еще понадобится, – «успокоил» Терехов. Заметив, как скисла Оксана, шутливо заворковал: – Неужели вам не нравится мое общество?

– Уф... – покачала она головой. – Давайте без этих хитрых подъездов? Что вас конкретно интересует?

– Мы провели обыск на квартире Гришак, а также у ее покойной тети. Нашли фотографии... посмотрите. Мне бы хотелось услышать ваши комментарии.

Оксана раскрыла папку, которую Терехов придвинул к ней, взяла первую фотографию: Нютка маленькая девочка с бантиком. Она и в два года была куколкой, но познакомились они позже, в пятом классе, когда ее мать получила по наследству однокомнатную квартиру и смогла забрать из деревни дочку.

– А кто оставил наследство? – заинтересовался Терехов, ведь свои мысли Оксана высказывала вслух.

– Мать работала официанткой, а по утрам мыла полы в офисе, жила на квартире у одинокой старухи. Та болела, мать Нюты ухаживала за ней, как родные дети не ухаживают, честное слово. Да, обе жили в однокомнатной квартире, зато она не платила за угол. Когда старуха умерла, оказалось, что завещала все свое имущество матери Нюты, та перевез-

ла дочь.

– Почему же Нюта жила сейчас на съемной квартире?

– Мать вышла замуж и уехала с мужем на Север, это было давно, а квартиру переписала на дочь, но Нютка... в общем, продала свое единственное жилье. Отшучивалась, мол, на тот свет квартиру не заберет.

Фотографии, фотографии... В руках Оксана держала жизнь пустоголовой Аньки, которой удача сама лезла в руки не раз, но глупость не могла ею распорядиться. Вот она с портфелем, бантами и цветами – это первый раз в первый класс; расстелено одеяло, на нем еда, дородные женщины деревенского вида, дети и она; а вот еще с тетей, та любила ее, как дочь... Фотографии перебирал и Терехов, одну он протянул Оксане:

– А это кто?

– Ха! Это я, Нюта и Полина. Как раз пятый класс. Мы дружили.

– А это... – протянул он следующее фото. – Одна ваша подружка Нюта, правильно? Она изменилась, став взрослой, но узнаваема, а вторая...

– Вторая тоже Полина.

– М! – одобрительно выпятил губу Терехов. – Та самая?

– Да, с предыдущих фотографий. Красивая, правда?

– Очень. А где это они?

– В Эмиратах. Я тоже с ними ездила, здесь Анютка и Полина вдвоем, а я фотографировала их.

– Что вы там делали? Отдыхали?

Какой он любопытный, все ему знать надо, даже на незначительных мелочах акцентирует внимание. Оксана положила стопку снимков на стол и не отказала себе в удовольствии похвастать:

– Мы там работали. Я в отеле, девчонки в магазинах.

– В Эмиратах?! – вытаращился Терехов.

– Да. А что вас так удивляет?

– Если бы вы работали в Милане, Париже, Хельсинки, я бы не удивился, но Ближний Восток для молодых и красивых девушек – опасная среда. В большей степени я имею в виду Аравийский полуостров, где женщина – ничто.

Оксана оценила: насчет арабских стран подкован, но поверхностно. На мгновение невидимый вихрь перенес ее в то время, а это немногим более десяти лет назад было, да, очень давно, наверно потому в ее интонациях и появились ностальгические нотки:

– Ближний Восток разный, а Эмираты бесспорно немислимой красоты уголок, который местные жители смогли из пустыни превратить в эдем. Там разумно стали развивать курортную зону, ведь нефть и газ не бесконечны, но им пришлось подкорректировать суровые законы, чтобы оттянуть из других стран туристов. Первые наши туристы массово хлынули сначала на Восток, а избранные, ну, очень богатые – в Европу, которая тогда казалась недосыгаемой, потом и туда рванул средний класс, но позже. Особенно нашим туристам

направился зимний период в Эмиратах, когда цены умеренные, к тому же экзотика, совсем другой мир... красочный, фееричный, с терпким вкусом загадки, это же Восток Алладина и Гаруна аль-Рашида.

– Неужели там так дешево? – перебил Терехов.

– Скажем, доступно. Не поголовно для всех, но вполне доступно, для среднего класса, в море купаться можно круглый год... Кстати, о нравах: купальники разрешаются только на пляжах тех отелей, где проживаешь. А еще зимой распродажи, можно потратить деньги на великолепные вещи, например, изделия из золота, серебра, тот же макбук можно купить наполовину дешевле, а то и вовсе заплатить четверть от нашей стоимости. Не буду вдаваться во все детали, скажу лишь, что в Эмиратах в то время (как сейчас – понятия не имею, давно там не была) стали востребованы люди, знающие русский язык, ну и английский, конечно, это же коммуникационный язык во всем мире. Предпочтительней были девушки, разумеется, они легче входят в контакт, да и клиенты-мужчины в качестве консультантов любят девушек. Мы и отправились туда, представьте, нам крупно повезло.

– Понятно, повезло... Но все же, как вы попали в Эмираты? Не поверю, что просто собрали чемоданы и поехали подработать сами по себе.

– Я так не говорила. Первый раз нам оказал помощь один знакомый, он бросил институт... то есть перешел на заочное, потому что решил открыть турагентство, а зная языки, сооб-

разил еще и работу подыскивать для желающих.

– А как с ним увидиться?

– Никак.

– Он умер?

О, господи! Кто про что, а следователь про смерть. При чем наверняка подумал, что владельца турфирмы грохнули из пистолета, например, конкуренты. Оксана вздохнула:

– Этого я не знаю, кроме того, что он уехал, кажется, на какие-то острова. Он трудился несколько лет без отпусков, прилично заработал и надумал пожить без забот вдали от цивилизации, оборвав все связи – это нормально для уставшего человека. Должна сказать, он не как другие: деньги забрали, отправили людей и забыли про них, а за границей все может случиться. Именно он провел первый инструктаж, от него мы услышали, что главное в Эмиратах, как и во всем арабском мире, – вести себя осмотрительно, учитывая особенности страны, ее традиции, уклад, а законы – так обязательно, чтобы избежать проблем.

– А как насчет сексуальных услуг в этих странах?

Ах, какой деликатный! Не захотел обижать Оксану, задав прямо вопрос: ты работала проституткой? Мило. Она не смутилась, ее выдрессировали старые гримзы, жившие в те времена по соседству, они не стеснялись обвинить в проституции благочестивую Оксану, могли прямо в лицо извергать из поганых ртов гнусные обвинения. Она научилась посылать поборников нравственности... да, туда-туда посылать,

следуя древнему и разумному совету: с хамом по-хамски, с паном – по-пански.

– Даже не думайте, – рассмеялась, наконец, Оксана, правда, снисходительно, но чуточку. – Весь полуостров – это царство жестких моральных законов, за проституцию в Саудовской Аравии не только по головке не погладят, но и отсечь голову могут в самом прямом смысле. Кстати, туда и не рискуют ехать девушки на работу, во всяком случае, так было раньше. А Эмираты относительно демократичны, но только до тех пределов, которые ими же установлены для европейцев. Это к нам едут со своим самоваром, но там... ваши привычки могут сослужить плохую службу, мужчинам в том числе, уж лучше выбрать другую страну.

– Что, совсем ни-ни? – не верилось Терехову.

– Совсем? – задумалась Оксана. – Нет, ну, не знаю... Думаю, в глубинах арабских государств есть данные услуги, как и везде, их не может не быть даже в пуританских странах. Просто лично я этими вопросами не интересовалась.

Взглянув на нее оценивающе, словно проверяя – насколько она честна, Терехов придвинул к себе папку и стал неторопливо перебирать снимки, казалось, вопросы у него иссякли, но Оксану он не отпускал. Она пережидала паузу нетерпеливо: посмотрела в сторону окна без штор, поводила глазами по потолку, по унылым стенам, после уставилась на следователя с неммым вопросом – у тебя все? Тот – ноль эмоций. Да и не смотрел он на нее.

– Я могу идти? – не выдержала Оксана.

– Еще минутку. Вы сколько раз ездили в Эмираты работать?

– Четыре раза. Потом ездила в Испанию – меня пригласила супружеская пара поработать в их отеле, потом обосновалась дома, занялась бизнесом.

– Скажите, как увидеть девушек, с которыми вы ездили в Эмираты? Я бы хотел с ними побеседовать.

– О-о-о... – протянула она. – Я с ними не поддерживала никаких отношений, где они сейчас живут, мне неизвестно.

– Но вы же дружили, как я понял.

– О, господи... – со смешком закатила к потолку глаза Оксана. – Люди сходятся, расходятся – это же элементарно. Вы со всеми однокашниками дружите? Вот, видите? Обстоятельства разводят. Кто-то вышел замуж в тех же Эмиратах, кто-то уехал в Америку или Европу на ПМЖ, а те, кто здесь остались... не знаю. Собственное дело требует отдачи по двадцать часов в сутки, а у меня еще и дети с мужем, не до подружек, тут поспать бы.

– Жаль, – расстроился следователь.

– Мне тоже. Я общалась только с Нютой, да и то не по своей воле, а когда ей что-нибудь нужно было. Но знаете, она, думаю, не теряла связей с девчонками, уж кто-кто, а Нютка не упустила бы возможности выклянчить денег и в придачу плюшек. Вы поищите среди ее вещей, может, остались записки... Да-да! Одно время она вела учет расходам, значит,

записывала, откуда брались доходы.

– А сколько раз ездила на заработки Нюта?

– М-м-м, – протянула Оксана, вспоминая. – Все четыре раза мы вместе работали в Эмиратах, ей не нравилось там – практически никакой свободы, а Нютка была любительницей тусовок. Но ее фантазия восхищала, честное слово. Чтобы заманить покупателей, она устраивала концерты в ювелирных салонах.

– Концерты? В каком смысле?

– Одевалась в арабские одежды, там ведь не только черный балахон распространен, есть очень красивые наряды, обвешивалась украшениями и танцевала нечто среднее между арабским танцем и русским хороводным, наглядно демонстрируя красоту ювелирных изделий... Сейчас, я тут видела...

Оксана забрала у следователя папку, порылась в фотографиях и протянула две Терехову, тот взял и поднял брови. На цветных снимках миловидная девушка с детским личиком в ярких и воздушных одеждах, которые вроде бы и закрывали все тело, в то же время все, что нужно, открыто – это лицо, руки, шея, босые ноги. Причем, на одежде никаких узоров, просто сочетание двух цветов (розово-голубых или желто-зеленых), видимо, из-за украшений, чтобы они не сливались с узорами. Голова девушки обвязана шарфом, в ушах серьги, лоб закрывает до самых глаз нечто типа сверкающего ожерелья, на шее множество коле, на запястьях браслеты

чуть ли не до локтя, перстни-кольца.

– Хотите сказать, это Анна Гришак? – не без изумления спросил Терехов. – Я думал, это открытки, очень профессионально сделаны и качественная печать. Красивая ваша Нюта была и... на других снимках она совсем не такая.

– Косметика люксовая, стилист профи, фотограф самый лучший, – объяснила Оксана волшебное преобразование подруги. – В Эмиратах любят все самое лучшее. Представьте: прозрачные стены салона, а внутри между витринами плавают вот такая сверкающая перья.

– И вызывающее поведение не преследовалось?

– Хозяин из правящей семьи, этим все сказано. Нюта зарабатывала очень хорошо, куда она девала деньги... думаю, сама не вспомнила бы. Когда я поехала в Испанию, она осталась дома, не захотела ехать одна туда, думаю, тогда все и спустила. В дальнейшем я помогла ей устроиться в испанском отеле по соседству, там она танцевала танец живота, но уже раздетая, как в фильмах. Именно в Испании она дорвалась до баров и начала попивать. Дальше... я оставалась дома, а она еще несколько раз каталась за границу, пока ее не выперли за пьянку. Это все.

– Хорошо, мы еще раз пересмотрим ее вещи. Что ж, спасибо, Оксана Дмитриевна, вы можете быть свободны.

Она вышла на улицу, села в машину и, заведя мотор, пожаловалась своему отражению в зеркале заднего вида:

– Столько времени украл! У меня утомленный вид.

Поправив зеркало, она рванула прочь.

ОАЭ, Фуджейра, неделю спустя

За эти дни Маша, воспринимающая перемены чудом, наконец-то выпалась, а высыпается человек, только когда его душа находится в блаженном равновесии и покое. Люди, живущие постоянно без страха, не понимают, какое огромное счастье имеют – к этой мысли возвращалась Маша всякий раз, оставшись наедине с собой.

Но утром сразу после сна она внезапно подсакивала, словно ее кто толкнул грубой рукой, и лихорадочно вспоминала, куда ей надо бежать, что она проспала и будет наказание... А глаза видели не старую, темную и грязную каморку, а великолепную комнату, куда проникал яркий свет через большущее окно, которое прятали легкие занавески. Но солнце все равно умудрялось протянуть свои лучи через ткань и достать до спящей Маши. Успокоившись, она падала на подушки, не веря своему счастью.

Не верила и в это утро, все происходящее казалось ей сладким сном, пока не вошла Сурия, за ней семенила пожилая женщина с подносом, поставила его на прикроватный столик и ушла.

– Как чувствуешь себя? – поинтересовалась Сурия первым делом. – Лежи, лежи! Я поправлю подушки, чтобы тебе удобно было.

Она подложила подушки под спину – этих подушек так

много, будто у Маши несколько голов и каждой нужна отдельная. Устроив подругу, чтобы та полусидела, Сурия потом уселась на край кровати, одновременно слушая признание:

– Как чувствую? Как случайно попавшая на место принцессы нищенка. Не пропадает чувство, что все это в один миг исчезнет...

– Ой, Машка, заводишь одну и ту же трель каждый день, не надоело? – с улыбкой произнесла Сурия, беря небольшой кувшин и стаканчик с подноса. – Сейчас выпьешь настой, потом умоешься, потом оденешься и выпьешь вторую порцию, на все пятнадцать минут. Ну? Давай...

И протянула не до краев наполненный стаканчик с темной жидкостью, одними глазами требуя, чтобы Маша взяла его, и когда та медленно пила, она рассматривала ее, отмечая положительные изменения. А их, изменений, почти не было, что удручало. В тридцать пять Маша выглядит на все пятьдесят: худая, изможденная, с затравленным взглядом выцветших (когда-то светло-синих) глаз, с серой кожей, морщинами, даже седых волос полно, которые видны, хотя она светлая шатенка. Ничего общего с той Машкой – из параллельного потока, в институте она была веселой и остроумной, придумывала праздники, проводила конкурсы, парни за ней толпами бегали. Что сейчас? Случайно встретив ее на улице, вряд ли Сурия узнала бы. Сейчас она похожа на сомнамбулу, блуждающую в полусне, оживить не удавалось,

впрочем, прошло слишком мало времени.

– Послушай, Сурия... – тихо заговорила Маша, видя, что ее спасительница глубоко задумалась.

– Да? Что? – оживилась та.

– Можно мне называть тебя твоим именем, а не этим?

– Хм! Конечно, можно. Почему ты спрашиваешь разрешения?

– Не знаю, Полина... привычка, наверное. Я другая, ты другая, мир другой, не такой, каким нам казался. А помнишь, как я бегала за тобой и просила участвовать в дурацком конкурсе красоты?

– Принуждение ты называешь – просила?! – округлила глаза Полина-Сурия, после напомнила шутливо: – Ты заставляла. Нет, вынуждала согласиться. И угрожала.

– Других претендентов на институтскую корону я не видела, а вечер висел на мне, вот и пришлось тебя заставлять всеми доступными способами.

– И я победила.

– Угу. Это при том, что ты отказалась от конкурса в купальниках!

– Моя картонная корона с приклеенными блестками и стразами была твоей заслугой, – рассмеялась Полина. – Признайся хоть сейчас, сама клеила корону?

– Конечно. Потратила два вечера, но ведь красиво получилось.

– Очень, – улыбнулась Полина. – А как повеселились...

Пауза, пауза... Много есть вопросов у обеих, есть о чем поговорить, но всегда, когда развивался диалог, вдруг между ними образовывался невидимый тормоз, отсекая друг от друга. Виновата Маша – так ей чудилось, ведь она отвыкла от общения тем более на родном языке, часто ловила себя, что больше слушает звучание слов Полины, чем вникает в их смысл. Следовало взять себя в руки, но не хватало моральных сил, да и не физических не хватало. Поставив пустой стаканчик на поднос, она спросила, только чтобы возобновить диалог:

– Сколько прошло лет? Я не о конкурсе, а... когда мы расстались?

На самом деле Маша могла не только количество лет назвать, но и полностью цифру прожитых дней в этих годах, исключая последние десять дней, потому что они – счастье. Между тем Полина помрачнела и ответила через паузу, правда, небольшую, а ответила незнакомым голосом, словно старуха из склепа:

– Тринадцать. Чертова дюжина, говорят, несчастливое число.

– Чертова? Для меня этот год самый лучший в моей жизни. Я живу. И сколько бы еще не прожила, это будет все равно больше, чем если бы я осталась там... откуда ты меня вытащила.

– Не я, – снова улыбнулась Полина, став прежней, а не мрачной.

– Твой шейх... Он правда шейх?

– Шейхами сейчас называют не только правителей и членов их семьи, но и богатейших людей, проявивших недюжинные способности, мудрых, заботящихся о народе. Ашраф соответствует всем этим качествам, но он к тому же принадлежит одному из королевских родов, однако трона ему не видать, да он и не стремится туда. Ашраф занимается бизнесом по всему миру, обладает гигантскими знаниями и трудоспособностью, конечно, никогда не бедствовал, но огромное состояние сколотил самостоятельно. Да, его называют шейхом. Ой, я совсем забыла за болтовней! Пятнадцать минут прошло, а Дамира сказала, надо точно соблюсти интервал приема.

Полина налила из кувшина настой в тот же стаканчик, протянула Маше, та безоговорочно выпила и, отдавая стаканчик, при этом потупившись, поинтересовалась:

– А ты своему шейху жена?

– Нет, – беспечно ответила Полина. – Меня ему подарили на день рождения. Это случилось одиннадцать с половиной лет назад.

Нет, Маша не округлила глаз, не подняла в изумлении бровей, она следила за своими эмоциями, чтобы не обидеть Сурию-Полину, помнившую о ней эти долгие годы. А ведь они не были близкими подругами, они даже ругались перед конкурсом.

– Не думала, что шокирую тебя, – рассмеялась Полина,

понимая глубокомысленное молчание Маши правильно.

– Я просто... – смутилась та. – На рабыню ты не похожа.

– А я не рабыня.

– Кто же тогда?

– Женщина, которую Ашраф ибн-Ахмад Аль-Сауд любит.

Не посмела Маша задать, по ее мнению, бестактный вопрос, вертевшийся на языке, но Полина легко читала ее мысли:

– Что, неловко спросить, а как же я к нему отношусь? Хорошо.

На этот раз Маша если и не округлила глаз, то опустила их, чтобы скрыть свое замешательство. Полина поняла, что ответ не устроил гостью, она забрала поднос, отнесла его к двери и позвала Дамиру, когда та забрала поднос и ушла, она вернулась на свое место и сначала поинтересовалась:

– Как себя чувствуешь?

– Отлично. Правда, правда.

Полина покивала, мол, верю, затем задумалась, отведя взгляд в сторону и собираясь с мыслями, чтобы дать Маше полный ответ, но чтобы та при этом поняла ее:

– Я часто думаю, как мне повезло тогда. А могла моя жизнь сложиться иначе, как у тебя, как у девчонок. Но сначала было страшно, очень страшно... Да что я! Тебе этот страх известен лучше, чем мне, ты прожила с ним все эти годы, а я только полтора года...

– И за год можно с ума сойти, – вздохнула Маша.

Неожиданно Полина вышла из состояния грусти, посмотрела на подругу, на лице которой застыло страдальческое выражение, и рассмеялась:

– Машка, ты-то чего переживаешь? Тебе противопоказано, только положительные эмоции разрешены. А знаешь, что меня спасло?

– Что?

– А не скажу! – И Полина снова рассмеялась, запрокинув голову назад. – Ой, не могу... Машка, смени мимику, а то я заплачу.

Куда там заплачет! Хотя да, слезы выступили, но от смеха. А что смешного нашла в ней Полина? Но она так заливисто смеялась, что невольно и Маша, улыбнулась, потом отмахнулась:

– Да ну тебя! Лучше ответь: ты одну меня вытащила или?..

– Конечно, или.

– Лайму тоже?

Вот с кем действительно крепко дружила Маша, так это с однокурсницей Лаймой, она же и уговорила ее поехать в Эмираты подработать. Хотелось красиво одеться, купить персональный комп, брендовую косметику, гаджеты – в те времена все стоило баснословных денег, а девчонки молоды, да и за границу поехать разве могли себе позволить студентки? А тут не просто туризм, а работа на все лето, бесплатные жилье и еда, куча впечатлений и, разумеется, кровно заработанные деньги – ух, как повезло! Но... не повезло, крупно не

повезло. Видимо, Полина думала о том же, поэтому, заметив тень на лице Маши, подхватила:

– Так, воспоминания долой, поднимайся. Ты даже не умылась, но болтаешь. Тебе завтракать пора, а потом нас повезут в горы, там такая красота, воздух...

– Горы? – спустив ноги с кровати, спросила Маша. – Здесь же пустыня.

– Это Фуджейра, милая, здесь есть горы, море... и пустыня.

Маша умылась, переоделась, завтрак ей принесли в комнату, Полина составила компанию, правда, ограничилась чашечкой кофе, развлекая подругу рассказами о Фуджейре. Беззаботный тон не разгладил морщину озабоченности между бровей Маши, хотя слушала она внимательно, а перед самым выходом, у двери, взяла свою спасительницу за руку, настойчиво потребовав:

– Скажи, что с Лаймой? Меня беспокоит твое молчание.

– Ладно, – повернулась к ней Полина. – Лайма здесь...

– Здесь? То есть...

– Да, здесь, в этом доме.

– Тогда поездки отменяем, я хочу ее увидеть...

– Нет.

Отказ прозвучал жестко, на это «нет» возражать и что-то доказывать нельзя, потому что Полина не услышит. Она живет в другом измерении, привыкла к другой жизни, но раньше, давно, у них было общее измерение, поэтому Маша

осмелилась спросить:

– Но... почему я не могу ее увидеть?

И вдруг Полина перешла на шуточный тон, но сама фраза... дикая:

– Предупреждаю: ты моя собственность.

– Твоя собственность? Я?

Это не было удивлением или возмущением, Маша скорее привыкала к мысли, что ничего в ее существовании не изменилось, ей подарена лишь временная передышка, она невольница. Но Полина погладила ее по щеке и разъяснила положение по-доброму, всем своим видом показывая, что она ей друг:

– Ашраф по моей просьбе нашел тебя, выкупил и подарил мне. Имя я дала тебе – Наджия, что означает «спасенная», но здоровье твое немножко подточено. Я не хотела тебе сейчас говорить, но его следует поправить, подлечиться, поэтому! Пока ты обязана мне повиноваться.

– Как скажешь.

Она реально склонила голову, словно слуга. Похоже, Машку ничем не пронять, бедняжка потеряла себя, продолжает жить в том мире, откуда ее забрали, и не приняла положение человека свободного. Полине пришлось применить более веский аргумент:

– Маша, ты неправильно воспринимаешь мои слова, я всего лишь хочу расшевелить тебя, помочь вернуться к нормальному состоянию...

– Тогда отведи меня к Лайме.

– Не могу. Доктор сказал – никаких стрессов, а встреча будет для тебя... сложной. Не волнуйся, у нее все есть: еда, одежда, служанка. Давай без возражений? – подняла ладони Полина, упреждая протест. – Сначала ты подлечишься, укрепишь свое здоровье, потом увидишься с Лаймой. Идет?

– Загадки, одни загадки... – печально вздохнула Маша. – Со мной что-то не так? Признавайся уж, я по лицу вижу...

– Что ты! Я просто забочусь о тебе, а загадки... они до поры до времени, ответы всегда открываются, но иногда лучше ответов не знать.

– Актриса из тебя никудышная.

– Маша... – замялась вдруг Полина.

– М?

– Операцию нужно сделать... тебе, разумеется... заменить клапан. Ты будешь как новая, здесь просто классная кардиохирургия, поверь и... и ничего не бойся, операция пустяковая.

– Клапан?! А сколько стоит эта «пустяковая операция»?

– Какая разница? Не ты же будешь платить.

– Вот именно. Твой султан?

– Это мои деньги, мои! И трачу я их, как считаю нужным. Это твой шанс, твое спасение, твоя жизнь. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Не понимаю. Зачем тебе мои проблемы?

– Маша, если я начну сейчас что-то говорить, ты развол-

нуешься, тебе станет плохо. Потом мы обо всем поговорим, будем говорить, сколько захочешь, даже спорить. А сейчас хватит споров, ты обязана мне повиноваться и не упустить редкий шанс, когда не только деньги решат, будешь ты жить или нет, но и высококлассные хирурги. Кстати! С Лаймой я позволю увидеться, когда выздоровеешь – таково мое условие. А теперь поехали, машина ждет.

Обе вышли из особняка, Маша, остановившись, инстинктивно заслонила от слепящего солнца рукой, прикрыв и веки. Ей приходится познавать заново самые простые, можно сказать, банальные вещи – солнце, небо, мягкую и чистую постель, покой и ничегонеделанье, что вообще из области фантастики.

– Мария! – позвала ее Полина у задней дверцы автомобиля. – Чего ты там застряла? Ну, иди же скорее!

Хотелось сбежать по ступенькам, как когда-то она сбегала по лестницам в институте – только мелькали от скорости лица, стены, пролеты. Но Маша сошла по ним неторопливо, помня, что обещала Полине беречь себя, да и доктор не рекомендовал спешку нигде и никогда. Шанс? В это трудно поверить, неужели с ней все это происходит? Вместо смерти жизнь? А ведь очень-очень хочется жить. Значит, шанс...

Россия, несколько дней спустя, вечер

Богдана ехала за автомобилем минут тридцать, да не каким-нибудь скромненько-бюджетненьким, а премиум-класса и, конечно же, марка одна из верхних в рейтинге.

– Господин Маслов денег отвалил за тачку хренову кучу, – произнесла она, в следующий миг ей удалось чудом увильнуть от столкновения. – У, debil, куда прешься! Господи, зачем ты пускаешь в этот мир без мозгов?

В сумерках сложно держать в фокусе машину черного цвета, а тут еще и автоуроды мешают: то подрезают, то обгоняют не с той стороны, то едут, туда-сюда виляя и заслоня обзор, будто за рулем пьяный вдрызг бармалей. Черный автомобиль остановился в переулке, остановилась и Богдана метрах в десяти от него, затем пошла за Масловым, который вырулил на главную улицу города, кишашую народом. Час пик нынче не только на дорогах, этот час и на тротуарах – не протолкнуться, что, впрочем, ей на руку.

Долго лавировать среди прохожих не пришлось, Маслов зашел в один из магазинов, туда же завернула и она. Магазин сумок, естественно, не дешевых. Богдана подошла к витрине с портмоне, тогда как Маслов изучал женские сумки, минуту спустя она обратилась к нему:

– Простите, вы не могли бы мне помочь?

Он повернулся к ней лицом. То впечатление, которое Бог-

дана производила на мужскую породу (даже на старых хрычей, с которых песок сыплется мешками), она изучила вдоль и поперек, ей ничего не стоило определить градус по шкале инстинктов. Ах, если б дело было только в красоте, красоткам необходимо учесть: данный продукт нужно уметь подавать даже тогда, когда молчишь. Однако – ох, ах! – Маслов непроницаем, но это ничего не значит, абсолютно ничего.

– Помочь? – переспросил он. – А что именно я должен сделать?

Непроницаемого банкира выдала интонация, она тягучая, следовательно, в мозгу парализованы центры, отвечающие за то, что отличает человека от обезьяны – за разум. Богдана подняла руку и, указав кистью в лайковой перчатке себе за спину, нисколько не наигрывая, а по-деловому сказала:

– Мне нужно купить портмоне, а я не разбираюсь в этих вещах. Консультант женщина, она априори не может сказать, какую вещь захочет мужчина. Не могли бы вы помочь выбрать?

– С удовольствием, – согласился Маслов, идя к ней. – А в каком ценовом интервале вас устроит покупка?

Глупейший вопрос, если учесть, что на Богдане одежда не поддается «ценовым интервалам». Да и спросил Маслов тоном, словно он торгует сумками всю жизнь, впрочем, банкир тоже торгует, только деньгами.

– А разве сюда заходят люди с ограниченными средствами? – подарила она ему белозубую улыбку.

– Вы упростили задачу, – в ответ улыбнулся он, идя к витрине. – А для кого вы покупаете портмоне?

В уме Богдана быстро вычисляла: сказать папе – в свое время он узнает, что папы у нее нет, брату – та же ситуация, а любая ложь, легко вскрываемая, вносит в отношения недоверие. Есть нейтральный вариант, который ни при каких обстоятельствах не подведет, она ответила:

– Для учителя. Он когда-то учил меня музыке, сейчас на пенсии, живет скромно, но у него прекрасный вкус, он предпочитает качественные вещи или ничего. Предлагаю пойти самым простым путем: а что лично вы купили бы себе?

Она умело польстила ему, дескать, доверяю вашему безупречному вкусу безоговорочно, а лесть красивой бабы у мужиков вызывает выброс андрогенов. Маслов пару минут изучал витрину, напичканную мужскими кошельками, а главное – ценниками, от которых у простого смертного волосы дыбом встанут. Наконец подозвал девушку небрежно-повелительным жестом и попросил показать довольно изящную с узорчатым тиснением вещицу. Богдана сняла перчатку, потрогала тонкими пальчиками с неброским маникюром кожу портмоне и удовлетворенно закивала:

– Да, ему понравится. Большое спасибо.

– Не за что, – ответил Маслов, изучая ее с интересом людоеда.

Ее лицо необычное, непривычное, его легко выделить из толпы, точнее, оно само выделится, напросится на глаза.

Кстати, о зеркале души – Маслов рот открыл, словно незнакомка поразила его гипнозом, искусственное освещение искажает цвета, но и в этом свете видно, что глаза синие с каким-то отливом, что ли. Дело не в этом. Дело в глубине. И оттуда, как из засады, за ним наблюдали: смертельный покой, ум, непорочность и порочность одновременно, уверенность, надменность... Маслову показалось, еще чуть-чуть и он поплетется за ней, как баран за чабаном. Арсений спешно опустил взгляд ниже и попал на губы... они воздушные, приоткрытые, влажные, зовущие. Губы зашевелились, до его уха долетело:

– Что-то не так?

Встрепенувшись, он понял: неоправданная пауза затянулась, нехорошо.

– Э... у... В ответ и вы... – промямлил Маслов, но следом выпалил: – Помогите выбрать мне сумку маме, у нее день рождения, но она очень привередливая.

– Проще простого, – согласилась она певучим голосом морской сирены. – Только скажите, для какого случая вы хотите выбрать сумочку?

– Затрудняюсь ответить...

Точно, затруднялся, ибо мысли застряли в совершенно другой теме, далекой от магазина и близкой к гостиничному номеру с широкой кроватью. Маслова пот прошиб, когда он осознал свои плотские позывы к первой встречной, чего с ним, благородным отцом-мужем, давно не случалось.

Однако сумка выбрана, оба расплатились, вышли вместе из магазина, Маслов предложил подвезти Богдану... она отказалась. Да, отказалась, так как приехала сюда на своей машине. Это правильный ход с ее стороны, правильный и продуманный, он ведь не знает, что они встретятся еще не раз. Он шел к переулку, а она задержалась, глядя ему вслед и хищно прищурившись. Мимо проходил парнишка лет восемнадцати, Богдана окликнула его приказным тоном, не имевшим ничего общего с музыкальными переливами в магазине:

– Эй, пацан, подойди.

– Зачем? – Но юноша подошел.

– Возьми, это тебе. Подарок.

Он взял коробочку, раз дают – чего ж не взять, потом опомнился:

– Подарок? А что здесь? И почему мне?

– В коробке портмоне, которое ты, юноша, не купишь еще лет десять, а может, и никогда. Дарю, потому что мне так захотелось. Прощай.

Не слушая слов благодарности обалдевшего парня, открывшего коробочку, Богдана с усмешкой на губах неторопливо двинула к переулку, в который свернул Маслов, ведь ее машина тоже там. Она надеялась, что к этому времени банкир уехал поздравлять маму. О, да, верно рассчитала: ее автомобиль одиноко стоял на обочине. Номер прошел успешно, это хороший знак – когда дело начинается сразу с удач-

ного шага!

Часть вторая

Есть подозреваемые... нет версий

Павел писал, когда открылась дверь, а открывается она с характерным ворчанием, будто живая старуха бубнит заклинания. Не поднимая головы, торопливо дописывая последние строчки отчета, Терехов произнес:

– Одну минуту подождите...

– Не хочу ждать, – услышал Терехов знакомый голос и подскочил:

– Феликс! Ты!

Он поспешил выйти из-за стола, чтобы поздороваться с парнем, с которым крепко сдружился за довольно короткий срок во время предыдущего расследования. Впрочем, оба молоды – Терехову тридцать два, Феликсу двадцать восемь, – а молодость не озабочена длительным разбором особенностей характера, она предпочитает выбирать друзей по упрощенному принципу. Рукопожатие закончилось дружескими объятиями, оба были одинаково рады встрече. Приобняв друга за плечи, Павел повел его к столу, Феликс уселся на стул, где обычно сидят допрашиваемые граждане, а Терехов на свое место вернулся, выдавая без пауз:

– Я ждал тебя, как не ждут девицы своих женихов! У нас

тут странноватое дело, но об этом позже. Рассказывай, как отпуск? Нагулялся? Черт, ты мне тут нужен – край. А Настя как? Понравилось ей в горах? Еще бы не понравилось, она же никуда не ездила...

– Паша! – перебил Феликс, подняв в руки, чтобы остановить Терехова, и улыбаясь с искренней непосредственностью, как умеет улыбаться только он. – Никогда бы не подумал, что ты способен так быстро говорить.

Помимо подкупающей улыбки, он и сам сплошное обаяние, а приплюсовать сюда внешность героя блокбастера – прямая дорога ему в кино или хотя бы на подмостки сцены. Вот-вот, Павел намеревался воспользоваться этой прямой дорогой, если получится, точнее, если Феликс согласится. Уговорить его будет нелегко, но попытка – шанс, грех его не использовать. У героя и недостатки есть: он прямолинейный, частенько канает под простачка, вводя в заблуждения даже коллег и раздражая их шутовской маской. Приемчик Феликса хорош для фигурантов, ведь обычно свидетели и подозреваемые дурачков не берут в расчет и, потеряв бдительность, прокалываются, в результате свидетель плавно переходит в непочетный статус преступника. Да, бывает и такое. Мысли пронеслись в голове Павла тайфуном, а сказал он другое:

– Просто я безумно рад, что ты вернулся из отпуска. У меня тут завал в работе, топчемся на месте, может быть, ты со свежей головой...

– Стоп, – снова прервал его Феликс. – У меня еще три дня до конца отпуска.

– Тогда какого черта притащился? – немного вспыхнул Павел, разыгрывая обиженного, кстати, бездарно разыгрывая. – Ну и иди себе догуливать свой отпуск, мы не гордые, подождем... три дня – хм!

– О-о-о... – протянул Феликс со смешком, он же по натуре насмешник. – Плохо на тебя влияет наша среда, плохо. Из приличного интеллигента ты постепенно превращаешься в обычного мента. Ладно, раз я пришел, то... готов выслушать тебя. Говори.

Сказано с королевской наглостью, подкреплено повелительным жестом сюзерена, на что Павел в отместку только ухмыльнулся:

– Не спеши. Сейчас Сорин придет и...

– А я уже пришел, – невозмутимо сказал Женя, закрывая за собой дверь. И так же невозмутимо продолжил, идя к столу следователя: – Кого вижу... Феликс вернулся, значит, прощай распорядок и спокойная жизнь.

Симпатичный, как и многие-многие ребята, которым немного за двадцать и ничем особенным не выделяющиеся, Женя Сорин самый молодой из оперативников, старательный и педантичный. Главное, неглупый, что в современных условиях является приоритетом во всех видах деятельности, так как глупости нынче, замешанной на амбициозности, в молодежной среде переизбыток. Попутно он прихва-

тил стул, стоявший у стены, поставив его к боковой части стола, сел практически рядом с Павлом. Получилось, что Сорин и Терехов оказались лицом к отпускнику, а тот на «горячем стуле», во всяком случае, для допрашиваемых стул точно жжет.

– Паша, – обратился к Терехову Феликс, – тебе опять навязали это молодое дарование без специального образования?

– Во-первых, – вздернул курносый нос Женя, – я закончил учебку на отлично. Во-вторых, Павел Игоревич лично обратился с просьбой к начальству, чтобы такого классного парня, как я, передали ему.

– М-да, на его памятнике выгравировуют золотые слова «Главное достоинство Жени Сорина – скромность», – поддел его Феликс и только открыл рот, чтобы продолжить, Павел остановил:

– Так, ребята, умничать будете потом, а сейчас за дело.

– Давай уж, что тут у тебя, – без энтузиазма согласился Феликс.

Из ящика Павел достал увесистую папку, раскрыл ее и стал выкладывать на стол фотографии по одной, комментируя:

– У нас очень необычный случай. Труп женщины обнаружили в конце марта у берега в черте города, так он выглядел...

– Это еще при мне было, – недоуменно произнес Фе-

ликс. – Исследование показало: разрушение внутренних органов от алкоголя и наркоты, явная принадлежность трупа к маргинальной касте, но одежда на ней была дорогая. Украли наверно. Мы же еще тогда решили: дело тухлое, кокнули даму наверняка свои же наркоши или алкаши, а это могут быть и бездомные. Но вдруг ты заявляешь – необычный случай. Что же изменилось? Неужели ты поменял к убиенной отношение из-за дорогого пиджака?

– Видишь ли, Феликс, все не так, как нам показалось, – сказал Павел. – Насчет Гришак мы не ошиблись, она скатилась до плинтуса. Квартиру снимала – там развернутся негде и на окраине, оплачивала исправно, но нигде не работала.

– А где же деньги брала? – осведомился Феликс.

– В банке она держала чуть больше семисот тысяч на депозите. Думаю, это остаток от проданной квартиры, который она решила не тратить, значит, не совсем допилась до ручки. Ну и подрабатывала немного, еще доила подружку, подарившую ей пиджак. А то, что она хроническая выпивоха, так это и соседи показали, мужиков меняла, а те, как правило, поколачивали ее. Короче, история заурядная. Знаешь, я готов был отложить данный случай до лучших времен, но тут кое-что произошло неординарное, я такого поворота даже в книжках не читал. В агентство Будаева...

– ЧОП? «Мистер Икс», да?

– Совершенно верно. Так вот, к Будаеву обратились два человека из абсолютно противоположных каст. Маслов, бан-

кир – на минуточку, а точнее, его должность называется – финансовый директор, заказал расследование убийства Анны Гришак, тебе не кажется это несколько странным?

– Анна Гришак? Так зовут то, что мы вытащили из воды?

– Именно.

– А банкир из какой лужи выплыл?

– Его жена и Анна Гришак дружили с детства, активный номер телефона оказался только ее, остальные контакты глухие. Я вызывал Оксану Маслову на беседу в качестве свидетельницы, можешь прослушать аудиозапись, но речь не о ней. Банкир не успел покинуть кабинет Будаева, а к нему тут же вошла молодая женщина, роскошно одетая, лица он ее не видел – очки закрывали, но решил, что она эффектная, красивая.

– Угу, не видел, но красивая, – ухмыльнулся Феликс. – Может, страшна, как смертный грех. Ладно. Она хотя бы назвала себя?

– Богдана Ижевская и... Внимание, барабанная дробь! Она потребовала сказать, зачем приходил Маслов, причем выложила за информацию тысячу баксов.

– Ого. Щедро.

– Вторая барабанная дробь – она призналась, что с банкиром не знакома.

– Офигеть, – произнес Феликс. – Что, так прямо и потребовала сдать банкира, а сама не знакома? А кто она такая? Чем занимается?

– Наслаждается жизнью, – произнес Сорин мечтательно.

– А работает где после наслаждений?

– Кажется, она в свободном полете, – снова Женя ответил.

– Уже интересно. А можно, нигде не работая, одеваться шикарно и кинуть за инфу штуку баксов, словно это сто рублей?

– Можно, – со знанием дела заверил Сорин. – Например, она популярная блогерша, клепает видео и статейки про себя успешную – что одевает, что ест по утрам и вечерам, что думает. Знаешь, сколько идиотов смотрит онлайн эту фигню и тащится? А много идиотов – много подписок с просмотрами, отсюда много бабок.

– Жека! – обратился Павел к нему, а тот уже рылся в кейсе, угадав, что нужно следователю. – Ты добыл фотографию Богданы?

– И не одну, – важно произнес Женя, протягивая флешку и стопку отпечатанных снимков. – Это фотки, но предлагаю на компе посмотреть, там увеличить можно детали. Надеюсь, вы заметите, что я лучший в мире фотограф. Павел Игоревич, я оставляю пока ваш фотик у себя?

Терехов не возражал, он поднял крышку ноутбука, включил его, затем вставил флешку, после чего повернул ноут монитором к Феликсу:

– Вот она, смотри.

– Фью! – присвистнул тот. – Значит, эта разодетая фифа никаким боком к Маслову не относится? А если соврала?

А если она его любовница? И ее душит ревность, а?

– Нет, – вместо Павла твердо ответил Сорин.

– Нет? – озадачился Феликс, опустив уголки губ вниз.

– Листай, листай дальше, я много наснимал Ижевскую, она готовая модель для фотоаппарата, – напрашивался на похвалу неугомонный Сорин. – Правда, модели тощие, как скелеты, а у нее что фейс, что фигура, что ноги...

Оттопырив нижнюю губу, Женя покрутил кистями в воздухе, что, видимо, означало наивысшее одобрение внешних данных Ижевской, но ни Феликс, ни Терехов в этот момент не смотрели на него. Следователь погрузился в себя (в проблему, надо полагать), Феликс машинально перебирал фотографии, рассуждая вслух:

– Тогда что ей надо? Зачем ей банкир? Зачем открыла себя Будаеву? Она же чего-то добивается, у нее есть цель...

– Как говорит начальник УВД, слушай сюда! – скрестив на груди руки, сказал ему Павел. – Третья барабанная дробь! Богдана Ижевская тоже заказала расследование убийства Гришак, выложила вторую тысячу баксов, добавив к гонорару двадцать процентов за информацию о ходе расследования. Ты понял? Маслов платит, она платит столько же плюс двадцать процентов.

Быстро соображающий Феликс завис, словно компьютер, пытаясь про себя разобраться в комбинации из трех человек: Гришак-Маслов-Ижевская. Естественно, не разобрался, кроме того, что:

– Значит, Будаев, не в силах сложить один плюс два, пришел к тебе и выложил ситуацию без купюр.

– Тебя смущает, что он рассказал о двойном тарифе? – догадался Павел. – Но у Будаева частное охранное предприятие, а не госбюджетное, требования Ижевской не могут считаться взяткой.

– Ага, только чоповец хочет вашими мозгами заработать себе бабки, – назвал вещи своими именами Женя Сорин.

– Мне показалось, о зарработке он меньше всего думал, – возразил Терехов. – Ситуация его напрягла, нестандартная из-за фигурантов и их желаний. А за его спиной ребята, которых Будаев обеспечивает работой, иногда опасной – это же ответственность, чтобы рисковать из-за пары штук баксов своей репутацией. Не надо сбрасывать со счетов и то, что у нас больше возможностей при расследовании. Но, ребята! Давайте отдадим ему должное: без него мы сейчас не знали бы ни о Маслове с Ижевской, ни об их своеобразном интересе к убийству Гришак, согласны? А сколько он заработает с нашей помощью, лично мне до фонаря. Дело очень занимательное, так что будем работать.

– Принято, – согласился Феликс. – Тогда остановимся на Ижевской. Я не понял, кто из этих двух в сфере ее основного интереса – Маслов или Гришак?

– Мы этого пока не знаем, – сказал Павел.

– Я кое-что поясню, – вступил в диалог Женя. – Богдана говорила Будаеву, что не знакома с ним? Не соврала. Иначе

он бы давно заметил ее, потому что она, грубо говоря, нагло висит у него на хвосте. Но, кажется, познакомилась с банкиром недавно в магазине сумок, я видел, как они выбирали сумки, возможно, помогали друг другу... по ее инициативе, заметьте. К сожалению, я их наблюдал, как в аквариуме, – через прозрачные стены и не слышал ни одного слова. После магазина они расстались. Павел Игоревич, а почему вы не говорите Феликсу, что Богдана была хорошо знакома с Гришак?

– Я опоздал, это сделал ты, – улыбнулся Павел, понимая, как не терпится парню применить свои силы. – Но уточню: похоже, она проговорилась Будаеву. Сначала наотрез отказалась давать показания, а когда он спросил, что за человек была Анна Гришак, ответила: дрянь. Маслов того же мнения об убитой – дрянь.

– Хэ! – издал неопределенный звук Сорин. – При этом оба хотят, чтобы убийцу Гришак нашли. Ну, укокошили дрянь и – досвидос, чего это их так волнует бедная Гришак после смерти? Где логика?

– Ну, логика со стороны Маслова есть – чтобы не заподозрили его и жену, – объяснил Павел. – Все-таки мира между семейством Маслова и Нюткой не было, а Богдана... на ее счет версий нет. Надеюсь, что пока нет.

Между тем Феликс, выслушав новую информацию, снова задумался, уставившись в монитор ноутбука и нажимая на клавишу, чтобы поменять снимок Ижевской. Вот она у ма-

шины любителю водным простором реки – действительно, Сорин снял ее удачно, к тому же прав: на фото она запечатлена в миг наслаждения. А вот она сидит в парке на скамейке и смотрит в сторону на птичек, заполнивших кусок асфальта, а вот на набережной, в картинной галерее... И везде одна, не странно ли?

– Еще раз, – начал он складывать ребус. – Ижевская не знакома с Масловым, но висит у него на хвосте... Интересно, откуда она знает о его существовании?

– От Аньки Гришак? – подкинул идею Женя.

– Возможно, – принял Павел.

– Следом за ним пришла к Будаеву... – продолжил Феликс, – заказала расследование... отозвалась об убитой... Вы понимаете хоть что-нибудь в этой истории?

– Нет, – честно признался Павел.

– А чего ты улыбаешься?

– Плакать не умею, – веселился без причины Терехов. – Да, вот еще: жена банкира утаила, что они гоняли Нютку... э... так называют Масловы убитую – Нюта, Нютка. Арсений Андреевич выставлял ее из дома...

– Да чего там, вышвыривал! – внес уточнение Сорин. – Соседи показали: вытаскивал из дома, держа за шиворот, она болталась, как тряпка на ветру, и толкал за ограду. Гришак падала не раз. И орала, сопротивлялась, угрожала. Кстати, они очень удивлены, что благородная чета зналась с босячкой Анькой и пускала ее в дом.

– Занятно... – выпятил нижнюю губу Феликс. – Но знаешь, Паша, я понимаю Масловых. Очутившись перед тобой на этом страшном стуле, на котором я сейчас сижу, о скандалах не захочешь вспоминать, чтобы в подозреваемые не вляпаться. Это все?

– Нет, – ответил Терехов. – Осталась тетя Анны Гришак по имени Мила Сергеевна. В ее организме найдено отравляющее вещество растительного происхождения, само собой, никакого гипертонического криза не было, только отравление. Возможно, она сама выпила смертельную дозу, перепутав микстуры, но в подобных случаях не исключается убийство. Я склонен ко второму варианту, потому что упаковки от отравляющего вещества не нашли, а они должны быть – пузырек с раствором или пакетик, где хранился порошок. Отсюда думаю, кто-то заметал следы, убирая тетку с племянницей, а вот что они обе знали... В то же время никто из соседей не видел, чтобы к Миле Сергеевне кто-нибудь приезжал. На этом все.

– Ладно, выхожу из отпуска, – принял решение Феликс.

Этого и добивался Павел, он знал, что нестандартная ситуация обязательно привлечет оперативника, а ведь прошлый раз их группу (в самом начале, но за глаза) несправедливо называли бесперспективной. Еще чего! Итак, обговорили дальнейшие действия, распределили обязанности, тут-то и вспомнил Феликс, зачем пришел:

– Черт! Чуть не забыл. Короче, завтра суббота? Мы с На-

стей приглашаем вас к нам завтра вечером. Сорняк, тебя приглашение тоже касается.

– Я польщен, – бросил тот, копаясь в своей сумке. Видимо, купил недавно, не может налюбоваться, вот и сует туда нос через каждые пять минут.

– По какому случаю банкет? – поинтересовался Павел.

– Без случая. А просто на ужин нельзя пригласить, да? И позвони Тамаре, может, она согласится. Настя звонила ей – не берет трубку.

– Тамара привыкает управляться с работой и с дочерью, телефон у нее вечно где-нибудь валяется позабыт-позаброшен. Хорошо, позвоню ей.

– Завтра буду с утра. Эх, Настя расстроится, что я... Ладно, пока.

Кстати, завтра суббота, но их работа не любит ждать, поэтому следует забыть о выходных надолго.

Богдана остановила автомобиль на улице,

которая перпендикуляром упирается в одну из крупных автомобильных артерий города. Здесь даже ночью движение не затихает, но сейчас день и время обеда, а ресторан находится за углом – пройти всего-то нужно метров пятьдесят от угла. Богдана не тропилась, идя по шумной улице, каждый миг она проживала со вкусом, если можно так выразиться, упиваясь всем, что видели ее глаза. А сейчас весна... Ну, что тут скажешь?

Это время внутреннего восторга, ощущение красоты и гармонии, время надежд, зачастую глупых и неосуществимых. Надежд, когда осторожно заглядываешь вперед и веришь, что будет так, как на картинке, мелькнувшей на долю секунды в сознании. Но и этого довольно, чтобы счастье вскружило голову. Только нельзя пугать будущий успех, а значит, нужно срочно переключиться на... ветку с зелеными листочками, на пролетающую птичку, поток автомашин, да на все, что окружает.

Если не считать четырех человек, сидящих в разных углах зала, ресторан малопосещаем. Однако эта, грубо говоря, забегаловка предназначена для тех, кто считает себя пупом земли и жить не может без понтов. Обед здесь стоит столько, что можно подумать, будто на твоей тарелке шедевр искус-

ства шестнадцатого века, но никак не банальный кусок говяжьего мяса. Богдана выбрала столик в середине зала, чтобы ее было хорошо видно всем – официантам, входящим, сидящим. Не успела она прочесть меню, как к ней подошел... Маслов. Он сидел в этом же зале и не заметить ее не мог.

– Здравствуйте, – сказал, улыбаясь, как старой знакомой.

Богдана подняла глаза на Маслова и... никаких эмоций не промелькнуло ни в ее лице, ни во взгляде, она только через небольшую паузу с сомнением кивнула, здороваясь в ответ. Не узнала. Арсения несколько задело – как это его, яркую индивидуальность, не узнали? Он взялся за спинку стула и спросил у Богданы:

– Вы разрешите?

– Да... конечно... – снова с сомнением вымолвила она, явно смущаясь и не понимая, чего он хочет от нее.

– Вижу, не узнаете меня, – сказал Арсений с толикой разочарования. – Вы помогли мне выбрать сумку для матери, а я вам помог выбрать...

– Портмоне, – вспомнила Богдана, но без вспышки наигранной радости, просто вспомнила. – Пожалуйста, простите. У меня плохая память на лица и зрение не очень. А очки я не люблю, ношу только от солнца.

Избалованный зашкаливающим вниманием жены, Арсений не ожидал, что является плохо запоминающимся, внешность-то у него не замухрышки, одежда не с рынка, он rispetабельно выглядит. Как это – не запомнить его? Может,

у нее самооценка выше облаков – она ведь красивая, пожалуй, слишком красивая, чтобы замечать кого бы то ни было рядом. А если хитрит и таким образом ловит состоятельного мужика? В таком случае что-то должно выделяться в ней хищное, к примеру, азарт охотника, нечто в зрачках вспыхивать и прятаться. Однако в ее глазах сине-сиреневого цвета Маслов не заметил ни йоты заинтересованности к его замечательной персоне, что немножко обидно. С другой стороны, она привлекала его как раз тем, что не кривлялась, не рисовалась, заманивая в сети, и пребывала... в какой-то комфортной естественности, что всегда выделяет таких людей из толпы, а тут пустой ресторан.

– Ваш подарок понравился учителю? – спросил он.

Надо же как-то развить диалог, познакомиться, раз их обоих преследует госпожа Случайность, устанавливающая свои правила, которым лучше не сопротивляться.

– Да, очень, – впервые улыбнулась она, обрадовавшись. Видимо, учитель музыки вызывал самые приятные воспоминания. – А вашей маме сумка?

– Она сказала, что это самый удачный мой подарок.

– Я рада, – дежурно произнесла Богдана и взяла меню.

Фактически поставила точку, дескать, я вообще-то пришла поесть. Арсений не ловелас, отнюдь, сам от себя не ожидал, что будет настойчиво клеиться к совершенно незнакомой женщине, забыв про жену и детей. Ну, вот вспомнил и что? А захотелось ему ретироваться? Захотелось, да! От

неловкости, от того, что он просто неинтересен, как ему показалось, но под каким предлогом теперь это сделать? Ах, да, якобы вспомнить: ему срочно надо бежать на важную встречу, а он забыл... удрать и остаться голодным. Вообще-то, предлог банальный, будто у Арсения мозгов не хватает придумать что-нибудь более оригинальное и убедительное, скорей всего, по этой причине (тоже банальный ход) он отказался от него и снова задал вопрос:

– Вы впервые здесь?

– Да... А как вы догадались?

– Потому что я практически каждый день обедаю в этом ресторане, но вас никогда не встречал.

Одновременно мелькнула предательская мысль, заставившая опустить глаза под взглядом... не знал, как зовут собеседницу: «Что я несу! Зачем ей знать, где я обедаю? Я как дурак трещу».

– Вы угадали, я впервые здесь, – сказала она, тонко почувствовав, что пауза с ее стороны уже лишняя. – Недалеко отсюда сломалась моя машина, мне помогли вызвать эвакуатор, когда ее погрузили, я зашла в первый попавшийся ресторан.

– В таком случае... Кстати, как вас зовут?

– Богдана.

– М, какое интересное имя, – протянул он то ли с восторгом, то ли с разочарованием, насмешив Богдану, хотя она даже не улыбнулась, а сказала:

– Богом данная – перевод с русского на русский. Теперь ваша очередь представиться, господин... Э....

– Маслов. Арсений. Но ради бога, не называйте меня господином, звучит как-то... (Подходящих слов не нашел и ладно.) Между прочим, здесь достойная кухня, у меня есть несколько любимых блюд... Вы разрешите вас угостить?

– Что вы, – без возмущения в интонации произнесла Богдана. – Это нехорошо, мы даже незнакомы...

– Уже знакомы. Я настаиваю в качестве благодарности. Моей матери сложно угодить, мне не удавалось и вдруг – бац! Мой подарок понравился, она впервые меня не пилила за дурновкусье. Не боитесь попробовать необычное блюдо?

– Я ничего не боюсь, – заверила она.

– Тогда оленина. Подается эффектно, в авангардном стиле.

Диалог покатился органично, легко, будто они знакомы с давних времен. Арсений выяснил, правда, без подробностей, что она долгое время жила за границей, там же развелась с мужем, вернулась в Россию семь месяцев назад, нигде не работает, друзей не завела – ей нравится одиночество, уединение. Не успели познакомиться, а она выдала намек, протянув вторым планом через свою биографию: мне никто не нужен, ты в том числе. Быть заранее отвергнутым... ну, очень неприятная штука. Впрочем, об адюльтере Арсений даже не помышлял, а все равно неприятно. Помимо эффектного блюда, он предложил Богдане попробовать суп из ра-

ков, но Богдана отказалась – оленины ей предостаточно, тогда он дополнил ее обед десертом и напитком из ягод. Оленина девушку не впечатлила, больше половины осталось на тарелке, которую она отодвинула, Арсений признал свою кулинарную ошибку:

– Согласен, надо привыкнуть. А паста с белыми трюфелями подойдет?

– Не люблю. Они пахнут, как подвал, набитый потными и грязными телами.

– Странные у вас ассоциации... Ну, не знаю, чем вас накормить.

Она сказала, что сыта, выпила напиток и стала прощаться, Маслов подскочил тоже, не доев свой авангардный обед, у него в запасе было еще одно предложение:

– Нет-нет, я вас отвезу, куда скажете, раз вы остались без колес.

– Мне, честное слово, неловко, к тому же у вас работа...

– Я могу задержаться, – сказал Арсений с намеком, мол, он важная птица.

– Вижу, вы упрямы, поэтому! – подняла она указательный палец. – Доедайте свой обед, потом отвезете, а я подожду.

Тон приказной, в этом есть некий шарм, пришлось подчиниться. Отвез он Богдану в престижный район с дорогими квартирами, она открыла дверцу и опустила одну ногу на асфальт, но Маслов задержал ее, взяв за руку:

– Подождите! А номер телефона?

– А надо?

М-да, к огорчению Арсения не горела Богдана продолжить знакомство, а его просто занесло-понесло, как несет сдуревшую лошадь:

– Как я понял, вы нездешняя... А вдруг вам понадобится помощь? Все-таки я единственный ваш знакомый в нашем городе и, поверьте, могу быть полезным.

Видимо, проанализировав в уме за короткую паузу выгоды знакомства с Масловым, который навязывался сам в друзья, она согласилась и продиктовала номер, потом попросила позвонить ей. Трубка подала сигнал в сумке, Богдана не достала ее, а констатировала:

– Ну, вот, ваш номер у меня тоже есть. Спасибо за желание помочь.

И отправилась восвояси, не пригласив на чашку чая, Маслов сорвал машину с места и, вдруг освободившись от чар Богданы, принялся отчитывать себя вслух:

– Черт, а ведь если б она позвала на чай, я бы пошел! Да, пошел, пошел бы! Ну, идиот... Ой, какой же я... У меня крышу сорвало? Вот зачем мне все это надо? Приключений не хватает на пятую точку? Она же цены себе не сложит, а достоинство у нее только одно – красота... холодная, как она сама. Ну, еще умна... кажется. Ладно, пофлиртовал часик и – в кабинет работать. Все. Да, а номер я удалю.

Между тем Богдана, дойдя до своего подъезда, не вошла в него, усевшись на детские качели, достала смартфон и вы-

звала такси – надо было вернуться к машине, не оставлять же ее на произвол судьбы. А уже дома, переодевшись в халат, поставив на плиту турку с кофе, она отрезала ломоть хлеба, намазала толстым слоем сливочного масла, уложила кружки вареной колбасы, купленной в соседнем супермаркете, и врезалась в бутерброд зубами.

– М-м-м... как вкусно! Ха, оленина, авангардный стиль подачи, белые трю-фе-ли... Ах-ах-ах! – передразнила Маслова набитым ртом. – Одни понты. Ничего, я приведу тебя в норму. – И рассмеялась, как смеются счастливые люди. – А ты попался, Арсенюшка. Не думала, что будет так легко, впрочем, в себе я не сомневалась... да и в тебе тоже. Ой, мой кофе!.. Опять прозевала...

От черты города ехали минут сорок

Дорога не столь уж и длинная, однако погода пасмурная, поэтому клонило в сон, расшевелить себя – это легко, если заниматься делом прямо в салоне авто. Сорин комфортно устроился на заднем сиденье и, казалось, дремал, Феликс, соединив брови, о чем-то усиленно думал, глядя на дорогу в лобовое стекло. Павел вел машину, иногда поглядывая на него, догадался, о чем он думает:

– Настя расстроена, что ты вышел на работу? Вы поругались? Может, нам не стоит сегодня приходить к вам? Говори, не стесняйся, мы пойдем.

– Поругались? – очнулся от дум Феликс и заворчал, как старик: – Мы? Не смехи. Нет, конечно, моя Настя умеет закатить скандал, но это было до женитьбы, сейчас моя жена... не скажу, а то обзавидуешься.

Терехов рассмеялся, потому что представил Настеньку в роли скандалистки из комиксов – лохматой, в фартуке, с орудием в виде половника. Вообще-то, она способна устроить тарарам, но... не устроит, нет. Да и не скандалы то были, а защита себя, чести, достоинства, жизни – хоть слова и высокопарны, отдают арсеналом старьевщика, но более точных не придумано.

– Что же тебя так удручает с утра? – спросил Павел уже серьезно.

– Я просто думаю, – буркнул Феликс, снова уставившись в лобовое стекло. – Про этих двух... Гришак. Вы как-то скудно рассказали, я ничего не понял.

– Ты прав, но ведь я лишь коротко обрисовал положение, нельзя же нагружать человека после отпуска. Давай, выкладывай, что ты не понял, время есть понять.

Собственно, Феликс больше беспокоился о самом процессе, он оказался не таким простым, повлек за собой необычных фигурантов, что загрязняет расследование. Вопрос стоит жестко: либо они докажут, что первое совместное дело не было случайностью, как намекают некоторые «друзья-коллеги», либо провалятся с треском и утвердятся в статусе бесперспективных козлов отпущения. Вот что по-настоящему волновало его, но об этом как-то непринято говорить, да и неловко признаваться, что он меркантильный. Статус лихих ребят следует отстоять, оттого Феликс и ворочался полночи, жалея, что не расспросил о подробностях сразу – это помогает выстроить генеральную линию. В то же время мешал Насте спать, в результате она отправилась на кухню, подогрела молоко с медом и заставила выпить, мол, это хорошее снотворное, потом бухнулась рядом и уснула, а он – нет.

– Значит, – начал Феликс, – тетю Нютки обнаружили на полу в ее доме соседи и решили, что умерла она от гипертонии, но вызвали из центра следователя... Что, прямо на труп вызвали? А главное, зачем, если понятна была причина смерти?

Не Павел ответил на этот раз, он просто не успел, его опередил Женя с заднего сиденья, промямлив:

– Кончай придуриваться. Конечно, сначала приехала сюда скорая и зафиксировала смерть, по-другому у нас в стране не бывает...

– Молчи молча, – спокойно осадил его Феликс, не оборачиваясь. – Я хочу знать, каким образом следствие заинтересовалось деревенской старухой, на основании чего ее перевезли в город и делали вскрытие, а не оставили дома, чтобы тетюшку Нютки похоронили на деревенском кладбище со всеми почестями и поминками. Нет, правда, как узнали в следствии, что умерла тетка убитой алкашки Гришак? Пошагово хочу знать!

– Так слушай, как было, – прервал его Павел. – Ты ушел в отпуск, а вскоре стал известен номер паспорта и имя убитой, прописка. Мы с Жекой поехали в деревню, а тетя Нютки умерла. Теперь самое интересное. Соседи, как только обнаружили труп, позвали участкового – парень чуть постарше Женьки, но молодец, такого надо двигать дальше, чтобы он у нас работал. Вениамин сразу увидел, что дело темноватое.

– Увидел? Как? – покосился на него Феликс.

Притормозив на обочине, Павел достал смартфон и, найдя нужные фотографии, отдал Феликсу:

– Держи, Вениамин предусмотрительно сделал много снимков, я буду говорить, на что тебе нужно обратить внимание, а ты ищи кадры с моими описаниями. Итак. Соседи

показали: входная дверь была открыта, а на ночь все запираются, Мила Сергеевна тоже. Дальше. Участковый входит и видит: хозяйка лежит на полу, на спине, одета в ночную рубашку, левая рука сжимает на груди ночнушку, вторая застыла... как бы...

– Пальцы растопырены и согнуты... – нашел Феликс фото руки на полу. – Как будто пол царапали, да?

– Похоже. Во всяком случае, перед смертью у нее начались конвульсии, мышцы и после смерти частично не расслабились. Обрати внимание: под ней в районе плеч старый пуховый платок. Нашел?... Участковый заметил нехарактерные признаки для естественной смерти, а это: обильное слюноотделение, синюшность, отечность...

– Удушье? – догадался Феликс.

– Да, но она не была задушена. Наш участковый заподозрил неладное и сделал правильный ход: он вызывал полицию, те приехали с опергруппой и медиками. Тетку забрали на вскрытие. Когда мы, выяснив регистрацию Нютки, приехали в деревню, нам пришлось сразу уехать и выяснять, почему никто из морга не сообщил, что близкие родственницы Анна и Мила Гришак находятся там. Обе!

– Зуб даю, Конопля накосячила, – заявил Феликс, хлопнув себя по колену.

На заднем сиденье выпрямился Сорин, подался корпусом вперед и, заглянув в лицо Терехову, бездарно изображая потрясение, ехидно вымолвил:

– Павел Игоревич, он же ясновидящий! Или у него такая мощная неприязнь, что Феликс биополем чует Коноплеву, мысли читает на расстоянии. Угадал ведь, что она зажала инфу про двух Гришак.

– Сорняк, не остри, – лениво бросил через плечо Феликс, – у тебя плохо получается. Ясновидение не причем, потому что только Марихуана способна вредить Пашке. И мне. Я неоднократно признавался Марихуане в моей пламенной нелюбви к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.